А. А. ИСАЕВЪ.

Левъ Толстой среди мудрецовъ.

С. Петербургъ.
Книжный Магазинъ **МЕЛЬЕ и К°**
Т-ва А. Цинзерлингъ и К°.
20. Невскій проспектъ. 20.
1913.

А. А. ИСАЕВЪ.

Левъ Толстой среди мудрецовъ.



С. Петербургъ.
Книжный Магазинъ **МЕЛЬЕ и К°**
Т-ва А. Цинзерлингъ и К°.
20. Невскій проспектъ. 20.
1913.

Пров. 1955

PV
5031.1
Ис2



15315

Оглавленіе.

		Стран.
	Введеніе	1
I.	Изреченія о добрѣ и добротѣ.	9
II.	» о мудрости	15
III.	» о знаніи и наукѣ.	20
IV.	» о словѣ.	29
V.	» объ осужденіи	34
VI.	» о трудѣ	43
VII.	» о богатствѣ.	50
VIII.	» о вѣрѣ	58
IX.	» о самоотреченіи и самосовершенствованіи	65
X.	» объ устройствѣ жизни	70
XI.	» о смерти	80
	Заключеніе	92
	Примѣчанія	95

ВВЕДЕНІЕ.

Читатель не ошибется, если сдѣлаетъ *Кругъ Чтенія* Толстого своею настольной книгой.

Удручаетъ количество печатной бумаги, которая поступаетъ въ обиходъ, такъ называемыхъ, образованныхъ людей. Газеты, на ряду съ немногими сотнями строкъ, дающихъ то, что важно и нужно, преподносятъ разсказы, фельетоны, критическія замѣтки, слухи, сплетни. Этотъ матеріалъ посредственнаго, нерѣдко и очень низкаго, достоинства отрываетъ много времени отъ нашей краткой жизни; большею частію, онъ словно предназначенъ для того, чтобы портить литературный вкусъ читателя. Журналы даютъ единичныя цѣнныя статьи и художественныя произведенія. А затѣмъ—воспоминанія людей, которые, большею частію, разсказываютъ—иногда занимательно, чаще прескучно—о совершенныхъ пустякахъ, шаблонныя обозрѣнія внутренней, провинціальной, иностранной жизни, повѣсти, украденныя изъ литературы, мало знакомой читателямъ, комедіи, гдѣ въ милліонъ первый разъ изображаютъ измѣны жены мужу и мужа женѣ, очерки по внѣшней политикѣ, которыми авторъ, перелиставъ 2—3 книжки, развязно рѣшаетъ вопросы англо-германскій, ближневосточный, монголо-китайскій... Многочисленныя политическія брошюры заклинаютъ обывателей вѣрить партіи А и отворачиваться отъ партіи Б; онѣ ста-

раются убѣдить, что побѣда партіи В обезпечитъ рѣшеніе почти всѣхъ общественныхъ вопросовъ, а въ случаѣ торжества партіи Г наступитъ едва ли не райское состояніе... И, въ довершеніе всего, широкій потокъ порнографіи.

Читатель утопаетъ въ этомъ морѣ бумаги. И, вотъ, между огромными кучами сора, ему предлагаютъ три томика самаго высокаго достоинства.

Въ среднемъ то, что печать преподноситъ изо дня въ день, сѣро, безцвѣтно, часто—пошло и нелѣпо. А со страницъ *Круга Чтенія* говорятъ мыслители и художники, сохраняющіе свою жизненную силу въ долготу временъ. Говорятъ не только тѣ, кто еще не ушелъ или недавно ушелъ въ вѣчность, но и многіе, давно, даже очень давно украшавшіе человѣчество. Они, въ значительной степени, забыты,—не потому, чтобы слѣдовало забыть ихъ, а лишь потому, что средній, такъ называемый, образованный человѣкъ, какъ расторопный портной, гонится, прежде всего, за послѣднею модой.

Въ *Кругъ Чтенія* матеріалъ расположенъ такъ, какъ распредѣляютъ его въ календаряхъ. На каждый изъ 365 дней отведены 1—2—3 страницы съ изреченіями разныхъ писателей. А къ воскресеньямъ пріурочены разсказы и очерки,—одинъ довольно большой, или два краткихъ.

Самому Толстому принадлежитъ значительная часть содержанія сборника: 15 болѣе или менѣе крупныхъ разсказовъ и очерковъ и большинство изъ 1477 неподписанныхъ афоризмовъ. Извлекая довольно много изъ своихъ прежнихъ произведеній и создавая непосредственно для *Круга Чтенія*, Толстой обильно черпалъ и изъ міровой литературы. Среди писателей,

которые дали разсказы и очерки, отнесенные къ недѣльнымъ чтеніямъ, мы встрѣчаемъ Достоевскаго, Тургенева, Герцена, Лѣскова, Гюго, Мопассана, Франса и другихъ. А мысли, распредѣленныя на всѣ дни года, принадлежатъ самымъ разнообразнымъ источникамъ. Ветхій и Новый Завѣтъ, Отцы Церкви, особенно Іоаннъ Златоустъ, мудрость Востока—Браминская, Буддійская, Еврейская и Китайская,—пословицы разныхъ народовъ дали Толстому богатый матеріалъ. Изъ древнихъ мудрецовъ онъ всего чаще приводитъ изреченія Лао-Тсе, Конфуція, Марка Аврелія, Эпиктета. Среди мыслителей новаго времени особенно привлекаютъ его Паскаль, Кантъ, Шопенгауеръ. Наконецъ, выдающіяся мѣста въ сборникѣ занимаютъ и нѣкоторые изъ новѣйшихъ: Аміель, Эмерсонъ, Рёскинъ, Малори.

При выполненіи столь важнаго и обширнаго труда, нельзя избѣгнуть существенныхъ недостатковъ, съ какою любовью и съ какимъ знаніемъ дѣла ни производилась бы работа. Внимательный читатель найдетъ разные недочеты и въ *Кругѣ Чтенія*. Онъ скажетъ, что извлечено меньше, чѣмъ слѣдовало бы, изъ нѣкоторыхъ крупныхъ, даже великихъ писателей и слишкомъ много изъ другихъ, гораздо менѣе выдающихся. Онъ найдетъ, что по разнымъ вопросамъ, на ряду съ изреченіями высокаго достоинства, которыя у многихъ навсегда запечатлѣваются въ памяти, есть положенія безцвѣтныя: лучше было бы опустить ихъ. Наконецъ, онъ скажетъ, что Толстой совсѣмъ не пользовался нѣкоторыми важными источниками.

Достоинства этого сборника такъ велики, что я не буду останавливаться на отмѣченныхъ слабыхъ

сторонахъ. Коснусь только послѣдняго пробѣла: мы не находимъ изреченій нѣкоторыхъ писателей. Пропущенъ Ларошфуко. Это бросается въ глаза, какъ потому, что афоризмы Ларошфуко занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ міровой афористической литературѣ, такъ и потому, что, пользуясь нерѣдко Лабрюйеромъ, Толстой стоялъ къ Ларошфуко очень близко и, конечно, хорошо зналъ его. Пробѣлъ можетъ быть объясненъ безъ труда, если припомнить о рѣзкомъ различіи, даже противоположности, между Толстымъ и Ларошфуко. Великій французскій афористъ отлично знаетъ людей: его изреченія даютъ намъ ихъ во всей ихъ реальности. Онъ не старается разукрасить ихъ; онъ не читаетъ имъ нравоученій; онъ не стремится исправлять ихъ: а потому они и выступаютъ передъ нами во всей своей неприглядной дѣйствительности. Отшельникъ Ясной Поляны знаетъ людей; но, во вторую половину своей писательской дѣятельности, тѣмъ болѣе, къ концу жизни, онъ хочетъ видѣть человѣка тѣмъ, чѣмъ, по мнѣнію Толстого, онъ долженъ быть. Этотъ образъ мыслей кладетъ свою печать на творчество Толстого и въ *Кругѣ Чтенія*. Творчество сводится не къ изображенію людей, какъ ихъ даетъ дѣйствительность, а къ тому, чтобы очистить живого человѣка, смягчить его порочныя наклонности, изукрасить свѣтлыя стороны его души, внушить ему любовь къ добру, научить воспріятію того, что можетъ приблизить насъ къ желанному типу. Ларошфуко, со своей строго предметной оцѣнкой людей, съ отсутствіемъ даже намека на желаніе отыскивать въ черномъ бѣлое, съ невозмутимымъ спокойствіемъ эпикурейца, долженъ былъ быть непріятенъ Толстому. Вѣроятно, изъ одно-

родныхъ побужденій, послѣдній не извлекалъ ничего или очень мало изъ сочиненій и другихъ великихъ реалистовъ—Аристотеля, Шекспира, Гёте. Можетъ быть, въ силу той же причины, у Ницше были взяты только два изреченія [1]).

Мысли, собранныя въ *Кругъ Чтенія*, касаются многихъ вопросовъ. Одни изъ нихъ затрогиваютъ тѣ явленія, которыя принято считать болѣе или менѣе простыми, доступными пониманію огромнаго числа людей. Таковы, напримѣръ, вопросы о богатствѣ, трудѣ, вегетаріанствѣ, болѣзни, бракѣ, наказаніи, отечествѣ. Другіе представляются уже болѣе сложными, занимающими менѣе широкій кругъ; сюда относятся вопросы о законѣ, знаніи и наукѣ, искусствѣ, идеалѣ, свободѣ, словахъ и дѣлахъ, объ устройствѣ жизни и т. д. Наконецъ, есть вопросы въ высшей степени трудные; дабы слышать о нихъ вѣское слово, нужно обращаться только къ очень тѣсному кругу: о вѣрѣ, о Богѣ, безсмертіи, божественной природѣ души, о совѣсти, о сліяніи своей воли съ волею Бога и т. п.

Въ этомъ изданіи Толстой выступаетъ передъ нами художникомъ и мыслителемъ. И здѣсь, какъ въ другихъ своихъ твореніяхъ, онъ является великимъ художникомъ. Нѣкоторые изъ его разсказовъ таковы, что, прочитавъ ихъ, хочется читать снова и снова. «Корней Васильевъ», «Неужели такъ надо?», «За что?», «Божеское и человѣческое» навсегда запечатлѣваются въ памяти читателя. Конечно, они далеко превосходятъ разсказы большинства другихъ писателей, помѣщенные среди недѣльныхъ чтеній этого сборника.

Но нельзя дать такую же оцѣнку изреченіямъ, которыя исходятъ отъ Толстого, какъ мыслителя.

Внѣшняя сторона афоризма имѣетъ огромное значеніе. Если на протяженіи повѣсти, въ нѣсколько десятковъ страницъ, авторъ тамъ и сямъ грѣшитъ неправильностями слога, если его изложеніе мѣстами слишкомъ пространно, неуклюже, мысль выражена неточно, то еще нѣтъ основанія называть его дурнымъ стилистомъ: эти недочеты легко могутъ быть искуплены и съ избыткомъ возмѣщены красотами языка въ другихъ мѣстахъ того же произведенія. Но каждый афоризмъ образуетъ самостоятельное и законченное цѣлое. Если онъ содержитъ цѣнную мысль, то предназначенъ для того, чтобы навсегда залечь въ памяти читателей, обогатить ее положеніемъ, которое можетъ быть полезно и нужно въ разныхъ случаяхъ,—и при научныхъ изысканіяхъ, и даже при чисто практической дѣятельности. Память, съ признательностью, воспринимаетъ и хранитъ изреченіе, если оно кратко, если мысль выражена сжато, точно и ясно. И, наоборотъ, память отвергаетъ все то, что, быть можетъ, важно по содержанію, но не отвѣчаетъ на требованія, справедливо предъявляемыя внѣшней сторонѣ афоризма. Разъ изреченіе грѣшитъ хотя бы малѣйшею неточностью, разъ оно не можетъ быть признано безукоризненно яснымъ, разъ оно содержитъ даже только одно лишнее слово, оно уже не заслуживаетъ безоговорочнаго одобренія. Не будетъ шуткою утвержденіе, что афоризмъ изъ 10 словъ лучше, чѣмъ изъ 20, и безконечно лучше, чѣмъ изреченіе, которое содержитъ 50 словъ.

Толстой, большею частію, не удовлетворяетъ этихъ требованій. «Мысли безъ подписи или взяты мною

изъ сборниковъ, въ которыхъ не обозначенъ ихъ авторъ, или принадлежатъ мнѣ»—вотъ, что читаемъ въ Предисловіи къ I тому. Эти слова могутъ дать поводъ къ существеннымъ недоразумѣніямъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, выдѣлить изъ 1477 положеній тѣ, которыя принадлежатъ Толстому, а не взяты имъ изъ сборниковъ безъ подписи авторовъ? Мысли, которыя не взяты имъ изъ прежнихъ трудовъ, а составлены для *Круга Чтенія* или заимствованы изъ сборниковъ, выдвигаютъ передъ изслѣдователемъ существенныя затрудненія. Многія положенія, не имѣющія подписи, построены такъ (и именно самыя краткія), что принадлежность ихъ не Толстому, а какому-нибудь другому мыслителю, является въ высшей степени вѣроятной. Но, не имѣя подъ руками источника, который устранилъ бы недоразумѣнія, считаешь себя вынужденнымъ предположить, что огромное большинство изреченій безъ подписи вышли изъ подъпера Толстого.

Въ этомъ огромномъ собраніи неподписанныхъ изреченій есть превосходные афоризмы. Но это—исключенія; большая часть такова, что, съ внѣшней стороны, уступаетъ, и даже очень уступаетъ, разсужденіямъ другихъ, нерѣдко и не первоклассныхъ мыслителей.

Обращаясь отъ формы изреченій къ ихъ содержанію, внимательный читатель часто сдѣлаетъ выводъ также не въ пользу Толстого. Оцѣнка изреченій съ точки зрѣнія мыслей, которыя въ нихъ вложены, требуетъ особенной осторожности. Не трудно отмѣтить недостатокъ афоризма, если мысль выражена не вполнѣ ясно, не довольно точно и сжато. Но не легко подвергнуть оцѣнкѣ самую мысль въ тѣхъ

случаяхъ, когда она направляется на очень сложные вопросы. Споры о такихъ предметахъ, какъ Богъ, божественная природа людей, безсмертіе, могутъ быть сплошь и рядомъ совсѣмъ неумѣстны. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о предметѣ, по которому легче достигнуть единомыслія, позволительно вступить въ споръ; но не слѣдуетъ забывать о міровоззрѣніи Толстого. Въ немъ много своеобразнаго: а потому мысли, которыя кажутся странными, невѣрными, иной разъ, необходимо вытекаютъ изъ его міросозерцанія. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ объ *устройствѣ жизни*. Оспариваніе его мыслей по этому предмету съ точки зрѣнія, на которой стоятъ средній человѣкъ нашего времени или даже многіе сильные и самобытные умы, не представляетъ существенныхъ трудностей, но безцѣльно: будутъ правы обѣ стороны,—и Толстой и тѣ, кто отрицаетъ его положенія. Возраженіе будетъ имѣть вѣсъ лишь въ томъ случаѣ, когда доказано, что изреченія Толстого по вопросу объ устройствѣ жизни не соотвѣтствуютъ его основнымъ взглядамъ или же,—что природа человѣка не можетъ измѣниться въ направленіи, которое привлекало бы людей къ строю жизни, согласованному съ завѣтами нашего великаго романиста.

Но, даже внося въ оцѣнку изреченій Толстого величайшую обдуманность и осторожность, мы находимъ его афоризмы, по содержанію, значительно, а часто, и гораздо ниже мыслей другихъ писателей, которымъ отведено мѣсто въ *Кругѣ Чтенія*.—Мы будемъ затрогивать, при нашихъ сравненіяхъ, вопросы наиболѣе простые, доступные пониманію многихъ, а также тѣ, которые касаются сложныхъ явленій жизни человѣка.

I.

Прислушаемся къ тому, что Толстой говоритъ о *добрѣ* и *добротѣ* [2]).

„1) Платить добромъ за зло естественнѣе и легче и разумнѣе, чѣмъ платить зломъ за зло. 2) Отвѣчай добромъ на зло, и ты уничтожишь въ зломъ человѣкѣ все удовольствіе, которое онъ получаетъ отъ зла. 3) Чѣмъ больше человѣкъ даетъ людямъ и меньше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ лучше; чѣмъ меньше даетъ другимъ и больше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ хуже. 4) Если доброе дѣло имѣетъ побудительную причину, оно уже не добро; если оно имѣетъ послѣдствіе награду, оно тоже не добро. Добро внѣ цѣпи причинъ и слѣдствій. 5) Не будьте жестокосерды къ тому, кто подвергается искушенію, но старайтесь утѣшить его такъ, какъ бы вы сами желали быть утѣшены. 6) Доброта украшаетъ жизнь, разрѣшая всѣ противорѣчія, запутанное дѣлаетъ яснымъ, трудное — легкимъ, мрачное—радостнымъ. 7) Нѣтъ ничего хуже притворства доброты. Притворство доброты отталкиваетъ больше, чѣмъ откровенная злоба. 8) Если, дѣлая дѣло, которое считаешь добрымъ, испытываешь страданіе враждебности или заставляешь другихъ испытывать враждебность къ себѣ, тотчасъ остановись: значитъ, ты не умѣешь еще дѣлать то дѣло, за которое взялся. Больно физически или духовно, враждебно,—остановись дѣлать и, съ одной стороны,

учись дѣлать безъ боли, съ другой—устрани то, отъ чего больно. 9) Доброта основное свойство души. Если человѣкъ не добръ, то онъ подвергся какому-нибудь обману, соблазну, страсти, которые нарушили это его естественное свойство".

Первое положеніе вполнѣ примѣнимо къ людямъ, которые имѣютъ большую склонность къ добру. Можно согласиться, что и для каждаго болѣе разумно платить за зло добромъ, нежели зломъ. Но нельзя доказать, чтобы для всѣхъ такой образъ дѣйствій былъ болѣе естественъ и легокъ: напротивъ, если человѣкъ не одаренъ выдающимся, исключительнымъ добродушіемъ, то болѣе согласно съ его природными наклонностями, а потому и болѣе легко, платить зломъ за зло. Если бы не было трудно платить добромъ за зло, то мы наблюдали бы это гораздо чаще, нежели имѣемъ случай наблюдать. Такое поведеніе, — поскольку оно не вызывается соображеніями о томъ, что выгодно проявить добродушіе, — составляетъ большую рѣдкость. Оно столь исключительно, что мы готовы осыпать похвалами даже тѣхъ, кто спокойно переноситъ причиненное ему зло, воздерживается отъ мести.

Жизнь часто не оправдываетъ второго положенія. Разбойники останавливаютъ желѣзнодорожный поѣздъ, врываются въ вагоны и кричатъ: «руки вверхъ!». Путешественники не сопротивляются, покорно выворачиваютъ свои карманы и отдаютъ насильникамъ все, что имъ нравится. Конечно, эта уступчивость, т. е. отвѣтъ добромъ на зло, не умаляетъ удовольствія грабителей, не уменьшаетъ количества вина, которое они выпьютъ, и не отнимаетъ у нихъ охоты сдѣлать то же самое при первомъ удобномъ случаѣ.

Напротивъ, это смиреніе и, — какъ вѣнецъ добродушія—недонесеніе полиціи о случившемся вдохновляютъ шайку на новые подвиги въ томъ же родѣ.

Третье изреченіе подкупаетъ своею сжатостью; повидимому, оно содержитъ глубокую мысль, не допускающую возраженій. А, между тѣмъ, оно не можетъ быть принято людьми, которые убѣждены, что развитіе наукъ и научные опыты—не забава, а дѣло первостепенной важности. Воздухоплаваніе обѣщаетъ доставить человѣчеству большія выгоды; борьба со многими тяжкими болѣзнями стала возможной только послѣ многочисленныхъ опытовъ, которые производились годы и десятки лѣтъ. Если согласиться съ Толстымъ, то нужно признать, что люди, которые занимались сооруженіемъ воздухоплавательныхъ снарядовъ или дѣлали прививки собакамъ и кроликамъ для отысканія средствъ противъ дифтерита, тифа, рака, но не достигли цѣли, должны быть отнесены къ худшимъ. Своею главною дѣятельностью они не дали ближнимъ ровно ничего, а требовали не мало: имъ были нужны разнообразные и дорогіе матеріалы, зданія, животныя, личный трудъ помощниковъ, служителей и т. д. Всѣ эти безчисленные труженики науки и, большею частью, безсребренники, должны быть поставлены, по Толстому, безконечно ниже человѣка съ маленькими средствами, который, удерживая для себя необходимое, даетъ ближнимъ все, что еще остается изъ его скромныхъ доходовъ.

Не удовлетворяетъ и четвертое изреченіе. Предъ человѣкомъ, истинно добрымъ, могутъ часто обрисовываться разные пути для направленія его дружелюбія. Обыкновенно онъ не можетъ отказаться отъ ихъ сравненія и не безъ основанія предпочитаетъ

одинъ изъ путей всѣмъ остальнымъ. Такимъ образомъ, помимо безпорядочной подачи милостыни, всегда есть налицо «побудительная причина», которая заставляетъ человѣка служить личнымъ трудомъ или имуществомъ не А, а Б. Большею частью, такія побужденія заявляютъ о себѣ и тогда, когда человѣкъ творитъ добро втайнѣ. Нельзя доказать, почему, въ этихъ случаяхъ, добро нравственно обезцѣнивается и перестаетъ быть добромъ. Не порочитъ добра и награда, если человѣкъ совершаетъ доброе дѣло безъ всякаго разсчета на нее, тѣмъ болѣе, если оно было сотворено втайнѣ и случайно стало извѣстнымъ. Услышавъ крики, человѣкъ пренебрегъ осеннею стужей, бросился въ рѣку, вытащилъ тонувшаго и, не назвавъ себя, пошелъ своей дорогой. Неужели его поступокъ утратитъ хотя бы малѣйшую частицу нравственнаго величія, если полиція замѣтитъ его и доставитъ ему медаль «за спасеніе утопающихъ»?

Пятое изреченіе ставитъ читателя, повидимому, на вѣрный путь; но внимательное чтеніе заставляетъ прійдти къ иному выводу. Не слѣдуетъ относиться жестоко къ тому, кто поддается искушенію; нужно ободрять его согласно съ особенностями его природы и его общественнаго положенія, а не соотвѣтственно съ тѣмъ, что представляетъ собою утѣшитель. Люди различны: что успокоиваетъ и радуетъ одного, то можетъ быть предметомъ равнодушнаго отношенія со стороны другихъ. И наше слово ободренія, наша услуга только тогда утѣшаютъ ближняго, когда приноровлены къ особенностямъ его душевнаго міра и ко всѣмъ условіямъ его жизни.

И шестое изреченіе отклоняется очень далеко отъ того, что даетъ жизнь и что она способна дать.

Безъ сомнѣнія, доброта украшаетъ отношенія между людьми. Но наивно утвержденіе, что она примиряетъ «*всѣ противорѣчія, дѣлаетъ запутанное яснымъ*». Мы находимъ обильныя противорѣчія и много запутаннаго въ любой области знанія. Представимъ себѣ, что научные изслѣдователи, почти поголовно, отличаются добротой. Сомнѣваюсь, чтобы это свойство помогло устранить всѣ противорѣчія науки и уяснить то, что запутано. Не то ли же слѣдуетъ сказать о противорѣчіяхъ въ общественной жизни? Что было бы, если бы представители труда, которые неустанно борются съ владѣльцами капитала, отличались, въ большинствѣ, выдающеюся добротой, а капиталисты сохранили тѣ душевныя свойства, съ которыми выступаютъ въ настоящее время? Противорѣчія не только не были бы смягчены, но обострились бы: хозяева пользовались бы этой добротой (уступчивостью) для еще большаго эксплуатированія работниковъ, чѣмъ въ настоящее время.

Седьмое положеніе примѣнимо только къ очень тѣсному кругу; оно далеко не имѣетъ всеобщаго значенія. Кто знаетъ людей, тотъ умѣетъ отличить истинную доброту отъ притворной; конечно, послѣдняя производитъ очень дурное впечатлѣніе. Но, большею частію, люди не могутъ похвалиться знаніемъ человѣческаго сердца и принимаютъ притворную доброту, какъ чистую монету; притворство отталкиваетъ ихъ гораздо меньше, чѣмъ откровенная злоба.

Нельзя присоединиться и къ восьмому положенію. Добро не перестаетъ быть таковымъ отъ того, что творящій испытываетъ враждебное чувство; напротивъ, оно нравственно возвышается, ибо требуетъ

особенныхъ усилій, требуетъ упорной борьбы со злыми влеченіями. Тѣмъ болѣе добро не обезцвѣчивается отъ того, что другіе враждебно относятся къ дружелюбцу. Враждебность сторонніхъ наблюдателей исходитъ нерѣдко изъ самаго мутнаго источника. Къ тому, кто творитъ добро, многіе относятся враждебно только изъ зависти: они понимаютъ его нравственное превосходство; они хотѣли бы низвести его до себя. Безсильные достигнутъ этого, они становятся его врагами. Не лучше ли сказать творящему добро, чтобы онъ, разъ нельзя устранить боль, причиняемую его дѣятельностью, разъ нельзя избѣгнуть вражды, все-таки творилъ добро?

Безчисленныя наблюденія, отъ самыхъ отдаленныхъ временъ, свидѣтельствуютъ противъ девятаго изреченія. Нѣтъ земного владыки, который не подвергался бы обману и разнымъ соблазнамъ. Однако, среди многихъ безцвѣтныхъ и добродушныхъ, ярко выдѣляются неукротимые въ своей жестокости римскіе императоры, а также Чингисханъ, Тамерланъ, Иванъ Грозный и другіе.—За тяжкія преступленія государственная власть примѣняетъ однѣ и тѣже суровыя кары къ десяткамъ и сотнямъ тысячъ людей. Тогда какъ нѣкоторые изъ нихъ даже въ каторгѣ, въ обстановкѣ, располагающей къ еще большему озлобленію, измѣняютъ образъ мыслей и, болѣе или менѣе, отклоняются отъ зла, другіе становятся на прежнюю дорогу, чуть только хоть маленькая свобода стала ихъ удѣломъ.

По вопросу о добрѣ мы находимъ въ *Кругѣ Чтенія* мысли, которыя подкупаютъ читателя своею глубиною. «Чѣмъ отмстить своему врагу? спрашиваетъ Эпиктетъ. Стараться дѣлать ему какъ можно

больше добра». Мудрецу не приходитъ на умъ, что легко и естественно слѣдовать такому образу дѣйствій; но онъ ожидаетъ, что тѣ, кто старается, могутъ сдѣлать много въ этомъ направленіи. «Чѣмъ человѣкъ умнѣе и добрѣе, тѣмъ больше онъ замѣчаетъ добра въ людяхъ». Этими словами Паскаль даетъ понять, что одна доброта, какъ бы ни была она велика, еще не достаточна для познанія людей. Отмѣчу и превосходныя слова Марка Аврелія: «приставлять одно доброе дѣло къ другому такъ, чтобы между ними не было промежутка—вотъ, что я называю счастливой жизнью». Еще болѣе сжато выражаетъ ту же мысль Сенека: «гдѣ есть человѣкъ, тамъ есть и случай сдѣлать ему доброе».

II.

Толстой оставилъ намъ много изреченій *о мудрости* [3]).

«1) Не цѣли общія должны опредѣлять твою дѣятельность, а назначеніе твоей жизни, одинаковое съ назначеніемъ всѣхъ людей, опредѣляетъ ее. 2) Не думай, чтобы мудрость представляла изъ себя свойство только особенныхъ людей. Мудрость необходима всѣмъ людямъ и потому свойственна всѣмъ людямъ. 3) Не перемѣняющіяся обстоятельства лишаютъ насъ спокойствія, но наши неуравновѣшенныя желанія. Человѣкъ, который поставитъ себѣ за правило дѣлать то, что ему хочется, не долго будетъ хотѣть дѣлать то, что дѣлаетъ. 4) Любовь истинная, не на словахъ, а на дѣлѣ — не только не можетъ быть глупа, но только одна любовь даетъ истинную проницательность и мудрость.

5) Всѣ бѣдствія и всего человѣчества и отдѣльныхъ людей небезполезны и ведутъ человѣчество и людей, хотя и окольнымъ путемъ, все къ той же одной цѣли — совершенствованію, которая поставлена людямъ. 6) Мудрый человѣкъ не ищетъ измѣненія своего положенія, потому что всегда доволенъ тѣмъ, въ которомъ находится. 7) Истинная мудрость не въ томъ, чтобы *знать*, что хорошо и что должно дѣлать, а въ томъ, чтобы знать, что самое хорошее, что менѣе хорошее, и потому, что надо прежде и что послѣ сдѣлать. 8) Человѣчество питаетъ живущихъ на его счетъ паразитовъ церкви и государства. Пусть человѣческія общества сдѣлаются чистыми въ духовномъ отношеніи, и эти паразиты пропадутъ, какъ пропадаютъ насѣкомыя на чистомъ и здоровомъ тѣлѣ».

Первое положеніе совсѣмъ бездоказательно. Признаемъ, вмѣстѣ съ Толстымъ, что любить ближнихъ и служить имъ составляетъ главное назначеніе людей. Человѣкъ можетъ руководствоваться этимъ завѣтомъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ труда; но, само по себѣ, это назначеніе еще не помогаетъ человѣку въ выборѣ дѣятельности. Отвлечемся отъ сложной жизни нашего времени, перенесемся въ простѣйшій общественный укладъ: и тамъ, слѣдуя своему верховному назначенію, человѣкъ не сумѣетъ рѣшить, быть ли ему земледѣльцемъ, плотникомъ, кузнецомъ, учителемъ. Если онъ сколько-нибудь свободенъ въ выборѣ занятія, то предпочтетъ дѣятельность, которая ему наиболѣе пріятна. Рѣшающимъ является, такимъ образомъ, влеченіе къ опредѣленному роду труда.

Второе положеніе можетъ быть высказано только

въ состояніи бреда. Быть можетъ, мудрость нужна всѣмъ людямъ; но изъ этого такъ же мало вытекаетъ ея свойственность всѣмъ, какъ необходимость тѣлеснаго здоровья оправдываетъ выводъ, что всѣ люди имѣютъ здоровые глаза, зубы, руки, ноги.

Третье положеніе противорѣчитъ тому, что наблюдаемъ на каждомъ шагу. Человѣкъ простой, малоимущій, можетъ быть доволенъ своей скромной долей. Но, какъ бы ни были уравновѣшены его желанія, онъ будетъ лишенъ спокойствія, если у него отнимутъ то немногое, чѣмъ онъ обладаетъ. Въ началѣ 19 вѣка герцогиня Сётерлэндъ прогнала со своихъ земель нѣсколько тысячъ крестьянъ, дабы обратить ихъ поля и луга въ пастбища. Неужели эти изгнанники лишились своего душевнаго спокойствія въ силу неуравновѣшенности своихъ желаній, а не вслѣдствіе жестокосердія шотландской аристократки? Вторую половину этого изреченія опровергаетъ жизнь многихъ людей, прежде всего, жизнь самого Толстого. Отъ ранней молодости онъ поставилъ себѣ за правило жить иначе, чѣмъ живутъ люди его круга; онъ хотѣлъ жить такъ, какъ указывали ему его влеченія. И, вотъ, всю жизнь онъ оставался писателемъ, т. е. хотѣлъ дѣлать то, что дѣлалъ.

Не убѣждаетъ и четвертое положеніе. Разъ сильная любовь, на кого бы она ни была направлена—членовъ семьи или стороннихъ лицъ—доходитъ до готовности къ самопожертвованію, то ослѣпляетъ любящаго и склоняетъ его на поступки, которые свидѣтельствуютъ, о чемъ угодно, только не о мудрости. Если человѣкъ, котораго я люблю, нуждается, а я не могу помочь ему личнымъ трудомъ

или имущественными средствами, то бѣгаю по знакомымъ, обращаюсь въ частныя учрежденія и правительственныя вѣдомства и выпрашиваю пособія или мѣстечка. Если ему грозитъ даже умѣренное наказаніе по суду, то я готовъ умолять судей о помилованіи. Попалъ онъ въ тюрьму,—и я не прочь упрашивать или даже подкупить тюремное начальство, чтобы смягчить суровость тюремныхъ порядковъ. Какъ ни окрести мой образъ дѣйствій, — а онъ вытекаетъ изъ любви, не останавливающейся передъ самыми большими жертвами — онъ очень далекъ отъ поведенія, въ которомъ сказываются «проницательность и мудрость».

Хочется возразить и на пятое положеніе. Припомнимъ обстановку, въ которой живутъ первобытные люди. Ихъ истребляютъ голодъ, повальныя болѣзни, почти непрерывныя войны. Такъ тянется длинный рядъ вѣковъ. Что, спрашивается, выигрываетъ все человѣчество или отдѣльныя лица въ 1900 году отъ разнообразныхъ бѣдствій, которыя обрушились на многія племена въ 1500? Насколько, вслѣдствіе всѣхъ этихъ бѣдствій, негры 1700 года были ближе къ совершенству, нежели негры 1400? Такъ и хочется сказать, прочитавъ это изреченіе, что люди были бы теперь болѣе совершенны, если бы нашимъ предкамъ было ниспослано меньше ударовъ судьбы, нежели тѣ, которые занесены на страницы исторіи.

Шестымъ положеніемъ Толстой, повидимому, приблизился къ истинѣ; но и оно не можетъ быть принято. Конечно, мудрецъ не стремится къ тѣмъ перемѣнамъ въ своей долѣ, которыхъ жаждетъ большинство людей: онъ не ищетъ богатства, роскош-

ной жизни, почестей, славы; онъ довольствуется очень скромнымъ удѣломъ; онъ мужественно переноситъ и тяжкіе удары судьбы. Но, какъ человѣкъ, онъ хочетъ обладать, по крайней мѣрѣ, основными благами, прежде всего, здоровьемъ и свободой. Эпиктетъ переносилъ, какъ мудрецъ, и рабское состояніе и хромоту; но развѣ могъ онъ не чувствовать, насколько обидѣла его судьба по сравненію съ людьми, независящими отъ господъ и свободными отъ крупныхъ тѣлесныхъ недостатковъ?

Если присоединиться къ седьмому положенію, то неизбѣжно прійдешь къ выводу, что «истинная мудрость» только мыслима, что она является идеаломъ, недостижимымъ для человѣка. Собравъ всѣхъ людей древняго и новаго времени, людей, которыхъ привыкли считать величайшими мудрецами, мы не найдемъ у нихъ единомыслія по этому вопросу. Они дадутъ намъ приблизительно одинъ и тотъ же совѣтъ—возможно больше служить людямъ. Но, вѣдь, этого мало. Если мы спросимъ ихъ, въ какую форму долженъ вылиться общественный строй, дабы служеніе людямъ было наиболѣе успѣшно, то получимъ не сходные отвѣты. Платонъ даетъ намъ свой планъ государственнаго быта, Аристотель—свой; Кантъ отклоняется далеко отъ нихъ обоихъ и т. д. Толстой, котораго многіе охотно причисляютъ къ мудрецамъ, также имѣетъ своеобразное представленіе о томъ, каковъ наилучшій общественный порядокъ. Кто твердо помнитъ, что люди слагаются постепенно, подъ вліяніемъ внѣшней природы, которая окружаетъ ихъ, и своихъ историческихъ судебъ, тотъ не забудетъ, что и «мудрость» выступаетъ передъ нами съ печатью своего времени.

Восьмое положеніе примѣнимо только къ идеальнымъ людямъ и идеальному общественному строю. Въ обществѣ, достигшемъ совершенства, не будетъ церкви и государства, сколько-нибудь сходныхъ съ современными установленіями этого рода, а потому не будетъ разныхъ общественныхъ паразитовъ. Но все это стоитъ за предѣлами величайшей человѣческой прозорливости. Тѣ же перемѣны въ формахъ общежитія и религіозныхъ вѣрованіяхъ, которыя могутъ быть предусмотрѣны, не будутъ свободны отъ самыхъ разнообразныхъ недочетовъ.

Хочется привести изъ *Круга Чтенія* нѣсколько мыслей о мудрости. Вотъ что говоритъ Конфуцій: «Тремя путями можемъ мы придти къ мудрости: во-первыхъ, путемъ размышленій, это — путь самый благородный; во-вторыхъ, путемъ подражанія, это — путь самый легкій, и, въ-третьихъ, путемъ опыта, это — путь самый тяжелый». «Достоинство человѣка, говоритъ Лессингъ, измѣряется не той истиной, которой онъ владѣетъ, а тѣмъ трудомъ, который онъ приложилъ для ея пріобрѣтенія». По словамъ Гольмса, «важно не то мѣсто, которое мы занимаемъ, а то направленіе, въ которомъ мы движемся». А вотъ превосходное неподписанное изреченіе, принадлежащее, быть можетъ, Толстому: «Нѣтъ такихъ незначительныхъ условій, въ которыхъ не могла бы проявиться мудрость».

III.

Прислушаемся къ тому, что Толстой говоритъ о *знаніи* [4]).

«1) Различіе между ядами вещественными и умственными въ томъ, что большинство ядовъ ве-

щественныхъ противно на вкусъ, яды же умственные, въ видѣ газетъ и дурныхъ книгъ, часто привлекательны, и тѣмъ болѣе привлекательны, чѣмъ вкусъ болѣе извращенъ. 2) Меньше читайте, меньше учитесь, больше думайте. Учитесь и у учителей и въ книгахъ только тому, что вамъ нужно и хочется знать. 3) Какъ во всемъ, такъ въ особенности въ знаніи, то, что ненужно, всегда вредно. 4) Если бы всѣ знанія были знанія истины, то всякое знаніе было бы полезно. Но такъ какъ за знанія часто выдаются знанія ложныхъ разсужденій людей, то нельзя быть достаточно строгимъ въ выборѣ тѣхъ знаній, которыя хочешь пріобрѣсти. 5) Если бы только однимъ людямъ разрѣшено было производить пищу, а всѣмъ остальнымъ было бы запрещено это дѣлать, или бы они были поставлены въ невозможность производить пищу, я полагаю, что качество пищи понизилось бы. Это самое случилось съ той высшей человѣческою дѣятельностью наукъ и искусствъ, монополію которой присвоила себѣ одна каста, но только съ той разницей, что въ тѣлесной пищѣ не можетъ быть очень большихъ отклоненій отъ естественности; въ духовной же пищѣ могутъ быть самыя большія отклоненія. 6) То, что называется у насъ наукой и искусствомъ, есть произведеніе празднаго ума и чувства, имѣющее цѣлью щекотать такіе же праздные умы и чувства. Науки и искусства наши непонятны и ничего не говорятъ народу, потому что не имѣютъ въ виду его блага. 7) Цѣль жизни всякаго отдѣльнаго человѣка одна: совершенствованіе въ добрѣ. И потому нужны только тѣ знанія, которыя ведутъ къ этому. 8) Не бойся незнанія, бойся ложнаго знанія. Отъ

него все зло міра. 9) Сомнительно знаніе, вызывающее споры. 10) Люди, думающіе, что главное дѣло въ жизни въ знаніи, подобны тѣмъ бабочкамъ, которыя летятъ на свѣчи — сами погибаютъ и затемняютъ свѣтъ. 11) Знаніе всегда будетъ ложно, если цѣлью знанія поставлена внѣшняя выгода — дипломъ. Только то ученіе, которое вызвано внутренними потребностями, бываетъ полезно себѣ и ближнимъ. 12) Законная цѣль наукъ есть познаніе истинъ, служащихъ благу людей. Ложная цѣль есть оправданіе обмановъ, вносящихъ зло въ жизнь человѣческую. Такова юриспруденція, политическая экономія и, въ особенности, богословіе. 13) Лучше знать меньше, чѣмъ можно, чѣмъ знать больше, чѣмъ нужно. Не бойся незнанія, бойся лишняго, обременяющаго, только для тщеславія пріобрѣтеннаго знанія. 14) Наука не есть то, что люди называютъ этимъ именемъ, а то, что составляетъ высшій и нужнѣйшій для блага людей предметъ познанія».

Въ первомъ положеніи Толстой ставитъ газеты на одну доску съ дурными книгами. Не нужно быть слишкомъ усерднымъ читателемъ газетъ, чтобы видѣть несостоятельность этого сравненія. Конечно, газеты приносятъ намъ изо дня въ день много матеріала, который имѣетъ только отрицательное значеніе; но въ газетахъ же мы находимъ отчасти и то, что благотворно дѣйствуетъ на нашъ умъ и обогащаетъ насъ полезными знаніями. Не забудемъ, что многіе изъ мыслителей, которыми пользуется Толстой для *Круга Чтенія*, писали и въ газетахъ. Но, конечно, ни одинъ изъ нихъ не былъ склоненъ написать «дурную» книгу, т. е. книгу, способную только развращать читателей.

Второе изреченіе содержитъ важный совѣтъ, но отличается тою расплывчатостью, которую такъ часто наблюдаемъ у Толстого. Мы принимаемъ его совѣтъ, что нужно болѣе думать, нежели читать и учиться. Но когда онъ предлагаетъ извлекать изъ чтенія и отъ учителей то, что «хочется знать», то ослабляетъ свой совѣтъ. Не составляютъ исключенія люди, которые хотятъ обладать обширными и разносторонними знаніями. Если даже откинуть тѣхъ, кто пріобрѣтаетъ знанія изъ тщеславія, то останется много истинно любознательныхъ. Ихъ число возрастаетъ безостановочно. Эти люди читаютъ много, учатся многому; чѣмъ дольше живетъ человѣчество, тѣмъ менѣе приложимъ завѣтъ Толстого.

Третье изреченіе не можетъ получить ту практическую важность, которую хочетъ придать ему Толстой. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить границы, за которыми начинается «ненужное» знаніе? Если считать нужнымъ только то знаніе, которое облегчаетъ человѣку борьбу съ природой, то становится очевидною полезность прикладныхъ наукъ. Если отвести хотя небольшую область для любознательности, то окажутся нужными самыя разнообразныя знанія. Но, гдѣ бы ни провести упомянутую границу, отнюдь нельзя доказать, что запасъ знаній, ненужный для простѣйшихъ жизненныхъ задачъ, болѣе вреденъ, чѣмъ, напримѣръ, принятіе пищи въ чрезмѣрномъ количествѣ или работа, превосходящая силы человѣка.

Четвертое изреченіе также не даетъ ничего поучительнаго. Совѣтуя людямъ быть разборчивыми, при усвоеніи знаній, такъ какъ очень многія не содержатъ истины, Толстой упускаетъ изъ вида путь,

которымъ шло и продолжаетъ идти человѣчество: въ любой отрасли знанія и относительно каждаго явленія внѣшней природы, личной и общественной жизни людей, истина добывается только цѣной напряженной работы мысли, въ которой участвуютъ многія поколѣнія. Строго говоря, нѣтъ «ложныхъ разсужденій», которыя когда-либо и гдѣ-либо не считались бы непререкаемою истиной. Тотъ, въ кого заложена хотя бы слабая любознательность, не послѣдуетъ совѣту Толстого: онъ будетъ усвоивать знанія съ тѣми пробѣлами и недочетами, которые опредѣляются уровнемъ, достигнутымъ наукой, но не откажется отъ обогащенія ума подъ предлогомъ, что современное знаніе не обѣщаетъ ему абсолютной истины.

Прочитавъ пятое изреченіе, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели качество пищи понижается отъ того, что не всѣ люди производятъ ее? Развѣ хлѣбъ, испеченный въ хорошей булочной, не лучше домашняго? Развѣ яблоки и груши изъ сада, который принадлежитъ любителю, не превосходятъ плодовъ, добытыхъ въ рядовомъ хозяйствѣ? Развѣ масло и яйца, предназначенныя для требовательныхъ покупателей, не отличаются особенно высокими качествами? Невѣрно и то, будто, какая-то каста присвоила себѣ монополію занятія наукой и искусствомъ. Если бы это было такъ, то всѣ отрасли научнаго и художественнаго творчества были бы недоступны для людей скромнаго происхожденія, бѣдныхъ, далекихъ отъ обезпеченнаго и образованнаго меньшинства. Но, вѣдь, мы видимъ, что повсюду науку и искусство обогащаютъ и члены достаточныхъ классовъ, и люди маленькіе, даже самоучки.

Читатель не приметъ и шестого изреченія: мно-

гое, что достигнуто въ наукѣ и создано искусствомъ, является плодомъ не праздныхъ умовъ, а духа, объятаго неутолимой жаждой знанія. Стоило бы Толстому припомнить біографію истинныхъ тружениковъ науки, дабы воздержаться отъ этого изреченія. Читатель не присоединится и къ той мысли, будто «наука ничего не говоритъ народу». Не обсуждаю здѣсь этого вопроса, такъ какъ я подробно разсмотрѣлъ его въ другомъ мѣстѣ [5]).

Прочитавъ седьмое положеніе, читатель будетъ склоненъ заключить, что кругъ знаній, которыя помогаютъ человѣку совершенствоваться въ добрѣ, очень тѣсенъ. Но такое заключеніе было бы ошибочно. Успѣхи въ этой области опредѣляются не только тѣмъ, что человѣкъ укрѣпляетъ свою готовность служить людямъ, но и пріобрѣтеніемъ умѣнья творить возможно большее добро въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Представимъ себѣ двѣ группы людей, въ одной и той же степени склонныхъ служить ближнимъ. Первая группа узнала, что нѣсколько деревень часто страдаютъ отъ наводненія, вторая,—что тяжкая повальная болѣзнь захватила цѣлую округу и производитъ большія опустошенія. Если въ первой группѣ нѣкоторые члены знакомы съ инженернымъ искусствомъ, а во второй участвуетъ нѣсколько врачей, то населеніе, пострадавшее отъ наводненія и отъ болѣзни, получитъ гораздо больше добра, нежели при отсутствіи людей съ хорошей научной подготовкой. Каковъ бы ни былъ общественный строй, люди, склонные къ добру, извлекаютъ, для его содѣянія, пользу изъ самыхъ разнообразныхъ знаній.

Восьмое изреченіе подкупаетъ своею сжатостью; но мысль, выраженная въ немъ, ошибочна. Чело-

вѣкъ приближается къ истинѣ только долгимъ, тернистымъ путемъ. Ложное, т. е. несовершенное знаніе помогаетъ ему въ борьбѣ за существованіе, которая, при полномъ незнаніи, особенно тяжела. Очень велико разстояніе между полнымъ незнаніемъ пользы, которую приноситъ удобреніе полей, и умѣньемъ обращаться съ навозомъ такъ, чтобы извлекать изъ него наибольшія выгоды. Велико разстояніе между полнымъ невѣдѣніемъ вреда, который приноситъ скученность больныхъ, и своевременнымъ обособленіемъ заболѣвшихъ съ примѣненіемъ наиболѣе совершенныхъ способовъ обеззараживанія. Но нужно имѣть непростительное упрямство для утвержденія, что лучше совсѣмъ не знать пользы отъ удобренія, нежели обращаться съ навозомъ такъ, какъ русскіе крестьяне, и лучше дѣйствовать, при повальныхъ болѣзняхъ, такъ, какъ при послѣдней чумѣ въ Монголіи, чѣмъ держаться несовершенныхъ способовъ (т. е. ложнаго знанія), которыми располагаютъ медицина и гигіена теперь или располагали полстолѣтія назадъ.

Девятое и десятое изреченія явно не состоятельны. Нѣтъ области, гдѣ бы знанія не вызывали споровъ прежде, чѣмъ убѣдятся въ ихъ истинности. Научное положеніе, вызывающее споръ, «сомнительно» потому, что очень немногіе считаютъ его истиннымъ; споръ же, самъ по себѣ, еще не доказываетъ его ложности. А сопоставленіе людей, которые особенно высоко цѣнятъ знанія, съ бабочками, по меньшей мѣрѣ, не удачно. Бабочки, безспорно, погибаютъ на свѣчѣ; люди же, горячо преданные научной работѣ, нерѣдко проходятъ жизнь незамѣченными и своими трудами непосредственно

не приносятъ пользы ближнимъ. Но именно среди такихъ подвижниковъ науки и нужно искать главныхъ дѣятелей, обогатившихъ всѣ области знанія.

Подъ вліяніемъ отвращенія ко всѣмъ внѣшнимъ отличіямъ, въ частности, къ дипломамъ, Толстой даритъ намъ одиннадцатое изреченіе. Нельзя не согласиться, что знаніе, которое пріобрѣтаетъ человѣкъ въ силу внутренней потребности познать, гораздо выше того, что пріобрѣтается изъ-за выгодъ. Но нѣтъ основанія объявить второе непремѣнно ложнымъ и безполезнымъ для ближнихъ. Какъ плотникъ, каменьщикъ, слесарь могутъ быть полезны, хотя видятъ въ своемъ промыслѣ только источникъ заработка, такъ могутъ быть полезны врачъ, учитель, техникъ, хотя учились, прежде всего, для полученія диплома. Знаніе, пріобрѣтенное отъ учителей, не становится ложнымъ только потому, что учащіеся хотятъ получить дипломъ, и не дѣлается истиннымъ, когда преподается людямъ, которые ищутъ его изъ любознательности.

Двѣнадцатымъ изреченіемъ Толстой обрушивается на юридическія науки, политическую экономію и, особенно, богословіе, которыя, будто бы, оправдываютъ обманы. Этихъ упрековъ не заслуживаютъ всѣ завоеванія научной мысли, которыя относятся къ названнымъ областямъ. Оставляя въ сторонѣ богословіе, мы скажемъ о наукахъ общественныхъ, что въ нихъ есть могучіе потоки, очень близкіе и къ идеаламъ Толстого. Всѣ тѣ ученія относительно права и хозяйства, которыя борются съ имущими классами и государствомъ, какъ ихъ представителемъ и защитникомъ, которыя отстаиваютъ неимущихъ, угнетенныхъ и обездоленныхъ, не только не

оправдываютъ обмановъ, но разоблачаютъ ихъ и облегчаютъ побѣду надъ ними.

Тринадцатое изреченіе не подкупаетъ читателя, главнымъ образомъ, потому, что нельзя установить предѣлы, въ которые должно быть включено знаніе человѣка. Если не отрицать за любознательностью права на существованіе, то откажешься отыскивать предѣлы. Отказавъ любознательности въ этомъ правѣ, мы скажемъ, что человѣку нужно знать очень немного: 1) свои обязанности относительно ближняго, что мы находимъ въ любомъ вѣроученіи, и 2) тѣ свѣдѣнія и пріемы, которые позволяютъ успѣшно заниматься избраннымъ родомъ труда. Если же допустимъ, что человѣку нужно знать немножко по математикѣ и географіи, то нѣтъ основанія отстранить другія области знанія. Тогда для любознательности будетъ открытъ широкій просторъ.

Четырнадцатое положеніе является образцомъ того, какъ неясно и неточно выражаетъ Толстой свои мысли. Это изреченіе побуждаетъ спросить: какими же особенностями, съ точки зрѣнія методологической, отличаются предметы, наиболѣе нужные для блага людей, отъ тѣхъ, которые менѣе нужны? Развѣ нельзя пользоваться одними и тѣми же пріемами для познанія однихъ и другихъ?

Всѣ разобранныя положенія неспособны удовлетворить мыслящаго читателя. Мы находимъ, на ряду съ ними, превосходныя изреченія мудрецовъ. «Умные люди, гласитъ Восточная мудрость, учатся для того, чтобы знать; ничтожные для того, чтобы ихъ знали». «Полезнѣе знать, читаемъ мы у Сенеки, нѣсколько мудрыхъ правилъ, которыя всегда могли бы

служить тебѣ, чѣмъ выучиться многимъ вещамъ, для тебя безполезнымъ». «Насколько лучше было бы постараться, говоритъ Сенека, искоренить зло нашей собственной эпохи, нежели прославлять въ глазахъ потомства дурныя дѣла прежнихъ! Насколько лучше было бы восхвалять дѣла природы, нежели опустошительные набѣги какого-нибудь Филиппа или Александра и остальныхъ, которые, сдѣлавшись знаменитыми благодаря бѣдствіямъ народовъ, были не меньшими бичами человѣчества, чѣмъ наводненія, опустошающія цѣлыя страны, или пожаръ, поглощающій множество живыхъ существъ».—У Саади мы читаемъ: «Внимай рѣчамъ ученаго человѣка съ величайшимъ вниманіемъ, хотя бы дѣла его не соотвѣтствовали его ученію. Человѣкъ долженъ поучаться, хотя бы поученіе было написано на стѣнѣ».

IV.

Кругъ Чтенія содержитъ не мало страницъ, посвященныхъ вопросу *о словѣ* [6]).

«1) Люди не соглашаются съ истиной больше всего тъ того, что они чувствуютъ себя оскорбленными той формой, въ которой предлагается имъ истина. 2) Если ты обладаешь истиной, или хотя думаешь, что обладаешь ею, то передавай ее въ самой простой и, главное, не нападающей на другія мнѣнія, формѣ. 3) Скрывать недостатки другихъ и говорить объ ихъ добродѣтели есть признакъ любви и лучшій способъ привлечь къ себѣ любовь ближнихъ. 4) Не думать впередъ о томъ, что ты скажешь, можно только тогда, когда чувствуешь себя спокойнымъ, добрымъ и любящимъ. Но чѣмъ ты неспокойнѣе, недобродушнѣе и раздражен-

нѣе, тѣмъ больше берегись согрѣшить словомъ. 5) Пребывающій въ безмолвіи легко возносится къ Богу; разсѣяніе и пустые разговоры влекутъ за собой скуку и раздражительность. 6) Чѣмъ менѣе будешь говорить, тѣмъ больше будешь работать. 7) Споры всегда больше содѣйствуютъ затемнѣнію, чѣмъ уясненію истины. Истина должна созрѣть въ уединеніи. Когда она созрѣетъ, она такъ ясна, что принимается безъ спора. 8) Чѣмъ больше хочется говорить, тѣмъ больше опасность, что скажешь дурное».

Пуская въ оборотъ первое положеніе, Толстой упустилъ изъ вида величайшія явленія прошлаго. Слѣдуя за нимъ, пришлось бы объяснить медленное распространеніе христіанства, прежде всего, тѣмъ, что истина, которую оно возвѣстило, была, по формѣ, оскорбительна людямъ древняго міра. Однако, завѣты Христа и даже его ближайшихъ послѣдователей не высказывались въ такой формѣ, которая должна была вызывать враждебное чувство. Нѣтъ, причиной послужило то, что новое ученіе слишкомъ далеко отклонялось отъ міровоззрѣнія древняго человѣка и, особенно, отъ склада жизни богатыхъ и образованныхъ классовъ. Что примѣнимо къ оцѣнкѣ людьми новыхъ нравственныхъ истинъ, то можетъ быть приложено и къ распространенію научныхъ идей. Предположимъ, что есть основаніе считать истиной ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ. Форма, въ которой ученіе было высказано его творцомъ, не могла породить враговъ. Новыя мысли вызвали противодѣйствіе потому, что шли въ разрѣзъ съ господствующими взглядами. Цѣпко держаться за то, что привычно, свойственно большинству людей и, при томъ, во всѣхъ областяхъ жизни.

Первая половина второго положенія содержитъ важный совѣтъ: слѣдуетъ навсегда сохранить его въ памяти. Но какъ исполнить вторую половину? Не всегда удается изложить свое воззрѣніе такъ, чтобы не затронуть взглядовъ, которые уже давно господствуютъ. Чѣмъ больше укоренилось мнѣніе о какомъ-нибудь предметѣ, тѣмъ прочнѣе оно держится. А это и побуждаетъ тѣхъ, кто высказываетъ новый взглядъ, отмѣчать несостоятельность господствующихъ воззрѣній: умѣлая критика расчищаетъ дорогу для истины. Сошлемся, въ видѣ примѣра, на Толстого. Можно раздѣлять его вѣру въ то, какъ сложится общество будущаго, можно и вовсе не раздѣлять ея. Но слѣдуетъ признать умѣстными, даже необходимыми, его нападки на современное государство. Нынѣшній строй общественной жизни имѣетъ много враговъ; но нѣтъ недостатка и въ сторонникахъ. Неизбѣжность коренныхъ измѣненій, неизбѣжность его крушенія подъ напоромъ новыхъ началъ могутъ быть сдѣланы тѣмъ болѣе очевидными, чѣмъ ярче освѣщены грубыя несовершенства современной общественной и государственной жизни.

Третье положеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, особенно теперь, при чрезвычайномъ развитіи общественной жизни. Что дѣлаютъ при выборахъ въ законодательныя собранія, въ мѣстное управленіе и въ частныя общества? Каждая партія выставляетъ своего кандидата, старательно скрываетъ его недостатки, усердно восхваляетъ его даже за мельчайшія добрыя наклонности и приписываетъ ему достоинства, которыхъ онъ вовсе не имѣетъ. Въ подобныхъ случаяхъ каждая партія неуклонно слѣдуетъ совѣту Толстого; но странно было бы видѣть

въ этомъ не заботу о личныхъ выгодахъ, которымъ можетъ послужить намѣченный кандидатъ, а признакъ любви къ нему, какъ къ ближнему.

Охотно принимая вторую половину четвертаго изреченія, я не могу присоединиться къ первой. И тогда, когда человѣкъ спокоенъ и добръ, онъ долженъ обдумывать все, что скажетъ: въ такомъ настроеніи онъ не произнесетъ ничего, способнаго обидѣть или огорчить ближняго; но приливъ добродушія вовсе не ставитъ преградъ глупостямъ, которыя люди обыкновенно пускаютъ въ оборотъ, если не думаютъ заблаговременно о томъ, что скажутъ.

Пятое положеніе состоитъ изъ частей не одного и того же достоинства: вторая должна быть принята, тогда какъ первая вызываетъ сомнѣнія. Только при особенномъ душевномъ складѣ пребывающій въ безмолвіи легко возносится къ Богу, т. е. отрѣшается отъ интересовъ міра. Извѣстно, что молчаливостью нерѣдко отличаются люди, очень далекіе отъ всего, что не связано съ житейскими интересами: таковы многіе военные, ученые, крупные промышленники, осторожные биржевые дѣльцы. Мольтке славился молчаливостью; и, ужь конечно, состояніе безмолвія не столько облегчало ему сношенія съ Богомъ, сколько помогало обдумывать усовершенствованія, которыя должны были быть внесены въ германское военное дѣло.

Шестое положеніе побуждаетъ читателей сказать, что нѣтъ основаній противополагать слово «говорить» глаголу «работать». Это противоположеніе умѣстно только тогда, когда говорящій передаетъ слушателямъ что-нибудь ничтожное и вздорное. Толстой упустилъ изъ вида, что нерѣдко важная, вы-

соко полезная дѣятельность сводится къ произнесенію рѣчей. Въ этомъ состоялъ главный трудъ апостола Павла, Іоанна Златоуста, Саванаролы, Мэтью, призывавшаго ирландцевъ къ воздержанію отъ спиртныхъ напитковъ. Толстой забылъ, что неутомимый распространитель важныхъ научныхъ или нравственныхъ истинъ не становится менѣе великъ отъ того, что работа словомъ является его главнымъ призваніемъ.

И седьмое положеніе противорѣчитъ многовѣковому опыту. Конечно, споръ между людьми, которые не имѣютъ отчетливаго представленія о томъ, что составляетъ предметъ спора, можетъ не только не приблизить спорящихъ къ истинѣ, но даже отдалить отъ нея. Несомнѣнно и то, что умъ, работающій сосредоточенно, выигрываетъ отъ уединенія. Но невѣрно, будто, истина, разъ она созрѣла, принимается безъ спора. Толстой считаетъ истиной нравственные завѣты Христа; они созрѣли въ тотъ періодъ жизни Христа, когда Онъ еще не начиналъ возвѣщать ихъ, т. е. созрѣли въ уединеніи. Но эти завѣты, простые, общепонятные, не принимались и не принимаются безъ спора. А потому, болѣе убѣдительны слова Гераклита Темнаго — что «споръ есть отецъ и господинъ всѣхъ вещей».

И восьмое положеніе не можетъ быть принято безъ оговорокъ. Многоглаголаніе сопряжено съ большими опасностями для людей, умственно ограниченныхъ и слабовольныхъ: всегда боишься, что они наговорятъ много нелѣпостей и огорчатъ или обидятъ собесѣдниковъ. Кто же владѣетъ собой и точно знаетъ, о чемъ хочетъ говорить, тотъ не подвергается опасности сказать дурное. Прислушаемся къ рѣчамъ въ парламентахъ. Эти рѣчи изобилуютъ глупостями;

онѣ часто обнаруживаютъ большое невѣжество оратора и нерѣдко содержатъ много обиднаго для разныхъ членовъ собранія. Но Гладстонъ—а онъ говорилъ 2, 3, иногда 6 часовъ подъ рядъ,—умѣлъ избѣгнуть всѣхъ этихъ недостатковъ. И въ каждомъ законодательномъ собраніи можно найдти членовъ, которые, говоря охотно и много, умѣютъ говорить такъ, чтобы не сказать дурного. То же примѣнимо и къ разнымъ другимъ областямъ, гдѣ участникамъ приходится говорить часто и много.

Мы находимъ въ сборникѣ очень мѣткія изреченія и по вопросу о словѣ: «Лучшій языкъ тотъ, который тщательно сдерживается, гласитъ арабская поговорка, лучшая рѣчь та, которая тщательно обдумывается. Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчанія». Согласно съ китайской поговоркой, «тотъ, кто много говоритъ, рѣдко приводитъ въ дѣйствіе свои слова; мудрый же человѣкъ всегда боится, чтобы слова его не превзошли его дѣлъ». А вотъ глубоко вѣрное неподписанное изреченіе; быть можетъ, оно принадлежитъ Толстому: «изъ тысячи разъ, когда мы раскаемся въ томъ, что говорили, едва ли случится одинъ разъ раскаяться въ томъ, что промолчали».

V.

Что же говоритъ Толстой по вопросу объ *осужденіи*? [7])

1) Одно изъ самыхъ обычныхъ заблужденій состоитъ въ томъ, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человѣкъ течетъ, какъ рѣка, постоянно измѣняясь и оставаясь собою. Въ немъ есть всѣ возможности: былъ глупъ, сталъ

уменъ; былъ золъ, сталъ добръ и наоборотъ. Въ этомъ величіе человѣка. И отъ этого нельзя судить человѣка. Какой онъ? Ты осудилъ, а онъ уже другой. 2) Одно изъ самыхъ обычныхъ и распространенныхъ суевѣрій то, что каждый человѣкъ имѣетъ свои опредѣленныя свойства, что бываетъ человѣкъ добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т. д. Люди не бываютъ такими. Мы можемъ сказать про человѣка, что онъ чаще бываетъ добръ, чѣмъ золъ, чаще уменъ, чѣмъ глупъ, чаще энергиченъ, чѣмъ апатиченъ, и наоборотъ, но будетъ неправда, если мы скажемъ про одного человѣка, что онъ всегда добрый или умный, а про другого, что онъ всегда злой или глупый. А мы всегда такъ дѣлимъ людей. И это невѣрно. 3) Не осуждайте чужихъ поступковъ. Осуждая другихъ, мы себя напрасно тревожимъ и впадаемъ въ большія ошибки. Вникайте въ самихъ себя, и трудъ Вашъ не останется тщетнымъ. 4) Какъ только начинаешь судить человѣка, помни о томъ, чтобы не сказать про него дурного, если ты навѣрно знаешь про это дурное, и тѣмъ болѣе, если ты не знаешь и повторяешь только чужія слова. 5) Въ спорахъ забывается истина. Прекращаетъ споръ умнѣйшій. 6) Невниманіе развиваетъ въ насъ страсти. Обуздывать свой языкъ есть признакъ великой добродѣтели. 7) Пословица говоритъ: объ умершихъ говори доброе или молчи. Я думаю, что, наоборотъ, надо не говорить дурного о живыхъ, потому что это можетъ сдѣлать имъ больно и испортить ихъ отношеніе къ живымъ; но о мертвыхъ, о которыхъ принято говорить льстивую ложь, ничто не мѣшаетъ говорить полную правду. 8) Человѣкъ перестаетъ осуждать ближнихъ, какъ

только побѣдитъ самого себя. 9) Осужденіе ближняго неразумно: оно ни на что не нужно, а между тѣмъ вредно и себѣ и другимъ. 10) Мы всѣ дурны, а потому все то, что мы осуждаемъ въ .другихъ, мы всегда найдемъ въ себѣ. Давайте же прощать другъ другу. Одно средство жить намъ въ мирѣ—это взаимное прощеніе".

Первыя два положенія рѣзко противорѣчатъ всему, что намъ извѣстно о человѣческой природѣ. Они могутъ быть приняты лишь въ томъ смыслѣ, что иной разъ слова и даже дѣйствія человѣка не соотвѣтствуютъ основнымъ свойствамъ его ума и воли. Такъ, наблюдая человѣка долгое время, мы помѣстимъ его въ ряды тѣхъ, кто совсѣмъ не склоненъ къ добру. А между тѣмъ, неожиданно для насъ, онъ совершилъ поступокъ, который слѣдуетъ признать добрымъ дѣломъ. Другой примѣръ: изучивъ всесторонне жизнь человѣка, мы считаемъ его разумнымъ; и, вотъ, онъ начинаетъ дѣлать глупости. Поступки, выводящіе человѣка изъ обычной колеи, могутъ быть объяснены безъ труда, если извѣстны всѣ обстоятельства даннаго случая. Человѣкъ можетъ относиться злобно къ людямъ вообще, но любить своихъ дѣтей. Онъ можетъ быть уменъ, но, подъ вліяніемъ болѣзни, чрезмѣрнаго утомленія какой-либо страсти, сдѣлать глупость. Согласиться съ Толстымъ значитъ—отречься отъ всего, что намъ извѣстно о вліяніи тѣла человѣка на его духъ и о вліяніи наслѣдственности. Согласиться съ Толстымъ—значитъ сказать, что умъ могъ быть и не быть основнымъ свойствомъ Аристотеля и Канта, что Калигула былъ золъ и, въ то же время, добръ и т. д.

Охотно присоединяясь ко второй половинѣ третьяго изреченія, читатель вынужденъ отвергнуть первую. Чѣмъ больше человѣкъ вникаетъ въ себя, тѣмъ болѣе облегчаетъ путь къ самоусовершенствованію. Но какъ воздержаться отъ осужденія другихъ? Если мы узнаемъ, что человѣкъ юный, не опытный, да еще со слабою волей, начинаетъ слѣдовать совѣтамъ, которые склоняютъ его къ лѣни, распутству, насильничеству, то сочтемъ своею обязанностью противостоять этому тлетворному вліянію. Можемъ ли мы, отмѣчая зловредность этихъ совѣтовъ и поведенія, на которое они направили, оставить внѣ нашей оцѣнки виновника, того, отъ кого исходитъ это воздѣйствіе? Вопреки Толстому, мы не воздержимся отъ осужденія потому, что, будто бы, „тревожимъ себя напрасно“.

Четвертое положеніе близко примыкаетъ къ третьему. Вторая половина и этого изреченія заслуживаетъ полнаго сочувствія: въ ней произнесенъ суровый приговоръ надъ сплетней. Но какъ, спрашивается, выполнить завѣтъ, который вычитываемъ изъ первой половины? Толстой допускаетъ, что можно судить о человѣкѣ, лишь бы не сказать о немъ дурного даже въ томъ случаѣ, когда оно точно извѣстно. Одно исключаетъ другое. Если я говорю о человѣкѣ только дурное, которое мнѣ точно извѣстно, то хулю его; разъ я говорю о немъ только доброе, то хвалю. Когда же *сужу* о немъ, то стараюсь внимательно и безпристрастно отнестись ко всѣмъ особенностямъ его ума и характера; я говорю о немъ и хорошее и дурное. Со словомъ «судить» неразрывно связано представленіе о всесторонней оцѣнкѣ людей и вещей, связано въ такой мѣрѣ, что

мы говоримъ о судѣ несправедливомъ, пристрастномъ, когда оставляются въ тѣни сколько-нибудь важные поступки подсудимаго, способные служить къ его обвиненію или оправданію.

Пятое изреченіе привлекаетъ къ себѣ своею сжатостью; но оно не вѣрно. Въ спорахъ, сплошь и рядомъ, истина не можетъ быть забыта именно потому, что она неизвѣстна участникамъ спора. Десятки лѣтъ ведутся препирательства между алопатами и гомеопатами. Каждая изъ сторонъ помнитъ о томъ, что считаетъ истиной. Конечно, въ разгарѣ преній, тѣ и другіе часто договариваются до нелѣпостей; но едва ли они забываютъ объ основныхъ началахъ, которыхъ слѣдуетъ держаться при леченіи одной и другой методой. Можно ли, однако, поручиться, что алопаты или гомеопаты овладѣли истиной? Не представляется ли очень вѣроятнымъ, что, съ дальнѣйшими успѣхами знанія, обѣ методы будутъ отвергнуты за ненужностью и леченіе будетъ ограничиваться только пѣремѣнами въ образѣ жизни? Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что споръ прекращаетъ умнѣйшій. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ спорящихъ уменъ, а другой глупъ. Возможно, что въ началѣ спора второй пользуется доводами, которые заслуживаютъ вниманія. Съ развитіемъ же преній онъ договаривается до такихъ нелѣпостей, что противникъ считаетъ неумѣстнымъ продолженіе спора и прекращаетъ его. Но бываетъ и иначе. Участникъ спора, уступающій своему противнику умомъ и подготовкой, отказывается продолжать пренія потому, что дорожитъ выдвинутыми положеніями, хочетъ отстоять ихъ, разсчитываетъ снова начать споръ, но явиться на него уже лучше вооруженнымъ.

Второй половинѣ шестого изреченія слѣдовало бы стоять особнякомъ. Совѣтъ Толстого обуздывать языкъ умѣстенъ всегда и вездѣ; а въ нашъ вѣкъ неудержимой устной и печатной болтовни онъ отличается особенной своевременностью. Но первая половина сильно портитъ это изреченіе. Если человѣкъ относится невнимательно къ явленіямъ, которыя окружаютъ его, то упускаетъ случай образовать свой умъ: онъ читаетъ много книгъ, но безчисленныя страницы мелькаютъ передъ нимъ, почти не оставляя осадка; онъ сталкивается съ разными людьми, но не прислушивается къ ихъ рѣчамъ, не присматривается къ ихъ поступкамъ, а потому и не успѣваетъ познать ихъ. Какія же, однако, страсти развиваетъ въ насъ невниманіе? Правда, невниманіе къ самому себѣ, къ своимъ чувствамъ, мыслямъ, поведенію равносильно снятію узды, которая способна нѣсколько сдерживать страсти. А если такъ, то можно отстаивать и противоположное,—что «напряженное вниманіе нерѣдко раздуваетъ страсти». Представимъ себѣ, что въ человѣка вложены зародыши корыстолюбія и страсти къ роскошной жизни. Эти наклонности дремлютъ, если большая часть времени посвящена труду и нѣтъ подъ рукою яркихъ соблазновъ. Но, вотъ, этотъ человѣкъ узнаетъ, что одинъ—другой—десятый, затративъ только маленькія средства, нажили цѣлое состояніе биржевой игрой. Онъ начинаетъ неослабно слѣдить за биржей; онъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы собрать свѣдѣнія о цѣнныхъ бумагахъ, которыя обѣщаютъ наживу; онъ внимательно разспрашиваетъ о томъ, чрезъ какого банкира всего выгоднѣе дѣлать покупки на биржѣ. Если вниманіе напряжено въ этомъ на-

правленіи, то страсти, прежде дремавшія, крѣпнутъ, говорятъ все громче и громче, быть можетъ, всецѣло подчиняютъ себѣ человѣка, кладутъ свою печать на дальнѣйшее теченіе его жизни. Другой примѣръ. Писатель преданъ своему дѣлу; онъ скроменъ и свободенъ отъ тщеславія. Имѣютъ его сочиненія много читателей,—онъ доволенъ; не имѣютъ они большого распространенія,—онъ не огорчается: любимый трудъ всегда служитъ для него источникомъ радостнаго настроенія. Но, вотъ, онъ начинаетъ присматриваться къ тому, какъ его собратья обезпечиваютъ себѣ успѣхъ. Онъ видитъ, что кучка пріятелей расхваливаетъ даже слабое сочиненіе; онъ наблюдаетъ, какъ писатель подкупаетъ читателей выборомъ модныхъ предметовъ, крылатыми словами, которыя, будто бы, свидѣтельствуютъ о возвышенныхъ чувствахъ, лестью по адресу тѣхъ общественныхъ группъ, гдѣ можно открыть сбытъ своимъ произведеніямъ. Это соблазняетъ его. Зародыши тщеславія, прозябавшіе гдѣ-то въ глубинѣ души, даютъ ростки. Чѣмъ болѣе *внимательно* слѣдитъ онъ за успѣхами собрата, тѣмъ болѣе пышнаго расцвѣта достигаетъ страсть, тѣмъ больше подчиняетъ себѣ всѣ его душевную жизнь.

Вторая половина седьмого положенія заслуживаетъ безоговорочнаго сочувствія: о мертвыхъ слѣдуетъ говорить правду, безъ всякихъ прикрасъ. Но непонятна первая половина. Предположимъ, я зналъ объ А. что-нибудь дурное и высказалъ это; допустимъ, это испортило наши отношенія. Слѣдуетъ ли мнѣ раскаяться? Если образъ дѣйствій А. дуренъ и вреденъ другимъ, то, выразивъ порицаніе, я, быть можетъ, охраню другихъ отъ вреда, который былъ

бы причиненъ имъ. Замолчу я,—и молчаніе легко можетъ послужить поощреніемъ дурного. А дурное нерѣдко приноситъ огромному числу людей столько вреда, что молчаніе становится, прямо-таки, преступнымъ.

Восьмое положеніе привлекательно; но, въ цѣломъ, оно не можетъ быть принято. Побѣда надъ своими дурными влеченіями, конечно, требуетъ гораздо большихъ усилій, нежели осужденіе ближнихъ, хотя бы строго продуманное и справедливое. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ, который побѣдилъ себя, пересталъ осуждать. Если онъ живетъ среди людей, какъ въ пустынѣ, если въ немъ выработалось безучастіе къ окружающему, то онъ можетъ совсѣмъ замкнуться для осужденія. Таковъ типъ отшельника, пустынножителя. Я готовъ допустить, что эти люди успѣваютъ побѣдить въ себѣ разныя злыя влеченія и, во многомъ, превосходятъ тѣхъ, кто остался въ міру; но они безполезны для общежитія, по какому плану оно ни было бы построено. Если же человѣкъ одержалъ побѣду надъ своими страстями, но не ушелъ изъ міра, то не можетъ совсѣмъ отказаться отъ осужденія людей. При борьбѣ со своими страстями, онъ стремился къ опредѣленному идеалу. Можетъ ли онъ воздержаться отъ хулы, если видитъ, какъ вокругъ него попираютъ этотъ идеалъ? Не можетъ: его общественное служеніе и выразится въ томъ, что онъ будетъ направлять ближнихъ къ своему идеалу. Воздерживаться отъ порицанія онъ не можетъ; но онъ внесетъ въ осужденіе мягкость, снисходительность; онъ устранитъ все, что не вызывается существомъ дѣла, а только огорчаетъ и раздражаетъ осуждаемыхъ.

Все изложенное объясняетъ, почему и девятое изреченіе не удовлетворительно. Осужденіе ближняго разумно, когда совершается не для глумленія, не для издѣвательства надъ осуждаемымъ, когда хотятъ облегчить ему оставленіе ложнаго пути и предохранить другихъ отъ вреда, который грозитъ имъ. Имѣютъ ли право воспитатели воздерживаться отъ порицанія тѣхъ, кто вызываетъ и раздуваетъ дурныя страсти у питомцевъ? Такое осужденіе не только не вредно осуждающему и другимъ, но необходимо: какъ бы мы ни назвали нарушеніе обязанностей—преступленіемъ или грѣхомъ—мы скажемъ, что молчаніе, воздержаніе отъ осужденія въ данномъ случаѣ вредно себѣ и другимъ, преступно и грѣховно.

Десятое положеніе грѣшитъ смѣшеніемъ понятій, которыя должны быть раздѣлены, Нельзя поставить знакъ равенства между призывомъ ко взаимному прощенію и совѣтомъ не осуждать. Міръ былъ бы безконечно лучше, если бы люди легко прощали обиды, которыя нанесены имъ. Человѣкъ роняетъ себя, если проявляетъ наклонность мстить даже за мелкія оскорбленія. Напротивъ, Ставрогинъ, герой *Бѣсовъ* Достоевскаго, выигралъ, воздержавшись отомстить за пощечину. Но моя рѣшимость прощать зло, которое причинили мнѣ, ни коимъ образомъ не оправдываетъ моего молчанія и прощенія, когда зло причинено ближнему. Быть можетъ, я очень дуренъ; допустимъ, что во мнѣ больше зла, чѣмъ въ томъ, кто причиняетъ вредъ другимъ: если я воздержусь отъ осужденія, то не стану лучше, а ближній пострадаетъ, обидчикъ же не встрѣтивъ осужденія, легче повторитъ содѣянное зло.

На ряду со словами Толстого, мы находимъ изреченія, которыя подкупаютъ своимъ глубокомысліемъ. «Чѣмъ строже и безжалостнѣе ты осудишь себя, говоритъ Кунгъ Фау Дзи, тѣмъ справедливѣе и снисходительнѣе будешь судить другихъ». «Прощай другимъ многое, себѣ ничего»—таковъ завѣтъ Публія Сируса. Оба изреченія выражаютъ истинную мудрость: они оба построены на прочной основѣ, на положеніи, что невозможно и *не должно* воздерживаться отъ осужденія; но во всѣхъ случаяхъ нужно сурово, даже безпощадно осуждать себя и съ наибольшею снисходительностью другихъ. Пріобщимъ къ этому прекрасныя слова Мицкевича: «желая судить меня, будьте не со мной, а во мнѣ». Отмѣтимъ и изреченіе Брауна: «главное наше несовершенство въ нашемъ внутреннемъ зрѣніи; мы страшно дальнозорки и видимъ все въ другихъ и остаемся почти невидимы для самихъ себя».

VI.

Познакомимся съ изреченіями Толстого *о трудѣ*. Мы находимъ ихъ во многихъ мѣстахъ *Круга Чтенія* [8]).

«1) Никогда не безпокой другого тѣмъ, что ты можешь самъ сдѣлать. 2) Стоитъ принять истину совсѣмъ и покаяться совсѣмъ, чтобы понять, что правъ, преимуществъ, особенностей въ дѣлѣ жизни никто не имѣетъ и не можетъ имѣть, а обязанностямъ нѣтъ конца и нѣтъ предѣловъ, и что первая и несомнѣнная обязанность человѣка есть участіе въ борьбѣ съ природой за свою жизнь и жизнь другихъ людей. 3) Работа только тогда радостна, когда

она несомнѣнно нужна. 4) Европеецъ восхваляетъ передъ китайцемъ преимущество машиннаго производства: «Оно освобождаетъ человѣка отъ труда». Но трудъ есть благо. Освобожденіе отъ труда было бы великимъ бѣдствіемъ, отвѣчаетъ китаецъ. 5) Ничто не облагораживаетъ человѣка больше труда. Безъ труда не можетъ человѣкъ соблюсти свое человѣческое достоинство. 6) Ручной трудъ есть долгъ и счастіе для всѣхъ; дѣятельность ума и воображенія есть дѣятельность исключительная: она становится долгомъ и счастіемъ только для тѣхъ, которые къ ней призваны. Призваніе можно признать и доказать только жертвой, которую приноситъ ученый или художникъ своему покою и благосостоянію, чтобы отдаться своему призванію. 7) Настоящій трудъ всегда тихій, равномѣрный, незамѣтный. 8) Большая часть занятій праздныхъ людей, считаемыхъ ими трудами, есть забава, не только не облегчающая трудъ другихъ, но накладывающая на нихъ новые труды. Таковы всѣ роскошныя забавы. 9) Стыдиться можно не какой-либо самой нечистой работы, а только самаго нечистаго изъ нечистыхъ нравственнаго состоянія—тѣлесной праздности. 10) Земледѣліе не есть одно изъ занятій, свойственныхъ всѣмъ людямъ. Земледѣліе есть единственное занятіе, свойственное всѣмъ людямъ и дающее наибольшую независимость и благо».

Если внимательный читатель и очень близокъ къ міровоззрѣнію Толстого, то все же не будетъ удовлетворенъ этими изреченіями.

Принявъ первое положеніе, люди низвели бы на очень низкій уровень исполненіе такихъ работъ, которыхъ и Толстой не назоветъ излишними. Я умѣю

перевязывать раны съ грѣхомъ пополамъ. Хорошо ли я однако поступлю, если самъ примусь лечить раны моей семьи или сосѣдей и не буду безпокоить врача? Я владѣю кое-какъ топоромъ и могу выполнять работы, которыя не требуютъ большого искусства, могу соорудить заборъ, шалашъ. Не буду ли я горько раскаиваться, если не позову плотника и, въ самоослѣпленіи, начну строить избу?

Второе изреченіе не только очень тяжеловѣсно, но и невѣрно. Къ борьбѣ съ природой, въ интересахъ личныхъ и общественныхъ, можно относить или тѣ простѣйшія дѣйствія, которыя направлены непосредственно на подчиненіе природы или—въ болѣе широкомъ смыслѣ—и всѣ тѣ виды труда, которые косвенно служатъ этой цѣли. Со второй точки зрѣнія сюда относятся не только обработка земли, не только укрѣпленіе рѣчныхъ береговъ, устройство плотинъ, добываніе желѣзной руды, но и дѣятельность изобрѣтателя, который ставитъ въ распоряженіе людей новыя и болѣе совершенныя орудія. Но многія простыя и необходимыя работы остаются за предѣлами этой дѣятельности. Какъ бы ни боролось человѣчество съ роскошью и удобствами жизни, оно не откажется отъ скромной мебели, отъ посуды, невинныхъ украшеній домовъ и т. д. А разъ выполненіе этихъ работъ необходимо, то онѣ выдвигаются въ первый рядъ, наравнѣ съ дѣйствіями, которыя подходятъ подъ понятіе о борьбѣ съ природой.

Нельзя присоединиться и къ третьему положенію, пока къ нему не добавлены слова—«для работающаго». Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ изъ безчисленныхъ наблюденій, что людей увлекаетъ не тотъ трудъ, который, можетъ быть, нуженъ самъ по себѣ, а работа,

пріятная для трудящагося. Нельзя утверждать, что научное и художественное творчество, которое служитъ источникомъ самыхъ высокихъ наслажденій, доставляетъ работающему особенную радость лишь тогда, когда людямъ «нужны» его плоды. Нельзя доказать, чтобы кто-либо изъ великихъ мастеровъ, изображая путь Христа на Голгоѳу или скорбь Богоматери, испытывалъ болѣе радостное настроеніе, чѣмъ живописецъ, при работѣ надъ голой женщиной въ сладострастной позѣ, или романистъ-порнографъ, при подготовкѣ къ печати своихъ ненужныхъ или даже вредныхъ разсказовъ. И нѣтъ основанія думать, что огородникъ, воздѣлывая капусту и огурцы, способенъ болѣе увлекаться своимъ занятіемъ, чѣмъ столяръ или токарь, отдѣлывающій рѣзьбу на дорогой мебели. Кто любитъ свой трудъ, важный или ничтожный, тотъ свидѣтельствуетъ лишь объ одномъ,—что работа *нужна ему*, что именно она является формой, въ которой онъ наилучшимъ образомъ выражаетъ свою личность.

И четвертое изреченіе не можетъ быть принято. Китайцы трудолюбивы; возможно, что большинство людей этой страны смотрѣло бы на освобожденіе отъ работы, какъ на бѣдствіе. Но нѣтъ основанія говорить, что машины упраздняютъ трудъ. Нѣтъ, онѣ только облегчаютъ его и ставятъ работающаго въ новыя условія. Согласимся съ Толстымъ, что трудъ тѣлесный, съ помощью простѣйшихъ орудій, можетъ быть въ огромномъ большинствѣ случаевъ источникомъ отрады для работающаго: и, все-таки, мы должны признать истиннымъ благомъ, что умъ людей, изстари направленный на изобрѣтеніе машинъ и разныхъ приспособленій, принесъ въ этой области обильные

плоды. Представимъ себѣ, что техническая изобрѣтательность дремлетъ и человѣкъ пріуроченъ только къ простѣйшимъ орудіямъ: тогда, дабы кое-какъ прокармливать возрастающее населеніе, люди должны были бы затрачивать на простыя и грубыя работы гораздо больше времени и силъ, чѣмъ теперь. При такомъ напряженіи, равносильномъ самобичеванію, тѣлесный трудъ всякаго рода былъ бы истиннымъ проклятіемъ.

Нельзя присоединиться и къ пятому положенію. Безспорно, трудъ облагораживаетъ человѣка; но нѣкоторыя проявленія человѣческой природы гораздо болѣе возвышаютъ достоинство людей, чѣмъ самый полезный трудъ: мужество, вѣрность себѣ, твердость убѣжденій. Представимъ себѣ, что человѣкъ, посвятившій общеполезному труду долгіе годы жизни, не обнаружитъ твердости духа въ годину опасности: онъ уронитъ себя и не искупитъ кратковременной трусости долгими годами усердной и полезной работы. Его сосѣдъ мало пользовался дарами, которыми надѣлила его природа: онъ любилъ жизнь веселую и прерывалъ свою праздность только тѣмъ, что, отъ времени до времени, выступалъ въ печати по острымъ вопросамъ политики. И, вотъ, ему пришлось понести тяжкую отвѣтственность, подвергнуться долгому, мучительному наказанію. Если онъ обнаружилъ непоколебимое мужество, то для всѣхъ, среди нихъ и для Толстого, его прежняя жизнь, далекая отъ труда, пойдетъ на смарку, и образъ, очищенный страданіями, станетъ привлекателенъ. Дабы любить Сократа, нѣтъ надобности знать, гдѣ и когда онъ жилъ, чему училъ: нужно знать только-послѣдній день его жизни. Его предсмертные часы не

могутъ изгладиться изъ памяти людей, способныхъ мыслить и чувствовать.

Не убѣждаетъ и шестое положеніе. Нѣтъ основанія называть тѣлесный трудъ долгомъ, тѣмъ болѣе,— счастіемъ для всѣхъ. Нельзя назвать счастьемъ, ибо, какъ намъ хорошо извѣстно, многіе чувствуютъ себя счастливыми, вовсе не удѣляя времени ручному труду. Не слѣдуетъ признавать его и долгомъ. Кто изобрѣтаетъ болѣе совершенные способы для борьбы съ природой, тотъ удѣляетъ ручному труду очень мало времени. А между тѣмъ такой человѣкъ (это соотвѣтствуетъ и міровоззрѣнію Толстого) исполняетъ свой общественный долгъ. Я буду оспаривать и вторую половину этого изреченія. Гюго былъ въ высокой степени надѣленъ дарами, необходимыми для художественнаго творчества; но гдѣ же съ его стороны жертва, гдѣ умаленіе покоя или благосостоянія, которое было нужно, дабы онъ могъ отдаться своему призванію?

Седьмое положеніе не вѣрно; къ тому же оно не соотвѣтствуетъ основнымъ взглядамъ Толстого. Свирѣпствуетъ заразительная болѣзнь; она успѣла захватить обширную площадь; населеніе, бѣдное и невѣжественное, не можетъ бороться съ нею. И, вотъ, составляется цѣлый отрядъ врачей, сестеръ милосердія, которые ѣдутъ «на холеру или чуму». Безспорно, каждый изъ нихъ могъ бы найти и въ своемъ ближайшемъ сосѣдствѣ людей, которые нуждаются и во врачебной помощи, и въ уходѣ, и въ словѣ утѣшенія. Не слѣдуетъ, однако, называть блажью отыскиваніе бѣды за тысячи верстъ: многіе изъ ѣдущихъ на этотъ подвигъ принимаютъ его съ любовью. Образованіе цѣлаго отряда изъ такихъ лицъ не мо-

жетъ быть трудомъ незамѣтнымъ: если бы даже всѣ участники были скромны, свободны отъ тщеславія,— и то ихъ работа не скрылась бы отъ сотенъ и тысячъ глазъ и не походила бы на трудъ «незамѣтный». Другой случай. Нужно соорудить высокую плотину, дабы охранить поля и луга отъ разливовъ большой рѣки. Нужно построить мостъ черезъ эту рѣку. Для завѣдыванія этими работами необходимо лицо съ обширными прикладными знаніями. Какъ бы ни было велико смиреніе завѣдующаго, онъ будетъ прилагать свои силы къ этой работѣ въ такой обстановкѣ, что его участіе выдѣлится гораздо болѣе ярко, нежели трудъ сотенъ людей, исполняющихъ распоряженія руководителя.

Нельзя признать вѣрнымъ и восьмое положеніе. Многія забавы богатыхъ людей, дѣйствительно, накладываютъ на бѣдныхъ новые труды; но нѣтъ основанія утверждать, что большая часть занятій, которымъ посвящаютъ себя богатые, относятся къ забавамъ. Тѣ роды дѣятельности въ торговлѣ, промышленности, на государственной службѣ, въ разнообразныхъ вольныхъ профессіяхъ, которые безполезны и даже вредны по оцѣнкѣ Толстого, образуютъ не забаву, а работу; этимъ трудомъ часто тяготятся люди, его выполняющіе.

Девятое положеніе звучитъ особенно странно. Почему тѣлесная праздность является самымъ нечистымъ тѣлеснымъ состояніемъ? Предположимъ, человѣкъ, свободный отъ тѣлеснаго труда, посвящаетъ много времени размышленіямъ, которыя подготовляютъ его къ научному или художественному творчеству, полезному для людей: тогда его состояніе праздности не принижаетъ, а только возвышаетъ его человѣческое достоинство.

Меня не удовлетворяетъ и десятое изреченіе. Не только въ современномъ обществѣ и въ томъ, которое разовьется изъ нынѣшняго строя, земледѣліе не можетъ быть признано свойственнымъ каждому человѣку; оно не получило бы этого признанія и въ обществѣ, созданномъ по плану Толстого. Въ самомъ простомъ быту, для удовлетворенія основныхъ потребностей, нужна работа и земледѣльца, и плотника, и бочара, и сапожника, и портного; въ самомъ скромномъ быту нельзя обойтись безъ жилища, одежды, обуви. А разъ эти нужды выдвигаются на главное мѣсто, то слѣдуетъ признать свойственными человѣку не одно земледѣліе, но и разные другіе виды работы.

Мы находимъ въ сборникѣ превосходныя изреченія о трудѣ. «Работай постоянно, говоритъ Маркъ Аврелій; не почитай работу для себя бѣдствіемъ и не желай себѣ за это похвалы и участія. Общее благо—вотъ чего ты долженъ желать». Монтэнь подарилъ намъ такое изреченіе: «надобно бы было включить въ муки ада вѣчную праздность, а ее то, напротивъ, помѣстили среди радостей рая». А Гёте возвеличилъ трудъ такими прекрасными словами: «природа не знаетъ остановки въ своемъ движеніи и казнитъ всякую бездѣятельность».

VII.

Изреченія *о богатствѣ* пріурочены къ 7 днямъ года [9]).

«1) Въ деньгахъ, въ самихъ деньгахъ, въ обладаніи ими есть что-то безнравственное. 2) Богатствомъ нельзя дѣлать добро. Для того, чтобы богатый могъ дѣлать добро, онъ долженъ прежде всего

освободиться отъ богатства. 3) Большое богатство пріобрѣтается только нуждою бѣдныхъ. 4) Удовольствія богачей пріобрѣтаются слезами бѣдныхъ. 5) Правда, что богатство—это скопленіе труда; но обыкновенно одинъ человѣкъ производитъ трудъ, а другой—скопленіе. И это-то мудрыми людьми называется «раздѣленіемъ труда»! 6) Невинное богатство возможно бы было только среди людей ненуждающихся. Тамъ же, гдѣ, какъ въ нашемъ мірѣ, на каждаго богача приходятся сотни нищихъ, нельзя быть невинно богатымъ. 7) Мнѣ кажется, что старинное суевѣріе о томъ, что богатство даетъ счастье, начинаетъ разрушаться. 8) Люди ищутъ богатства. А если бы они ясно видѣли все, чего они лишаются черезъ него, они бы употребили для освобожденія отъ него такія же усилія, какія они употребляютъ теперь для его пріобрѣтенія. 9) Богатство никогда не даетъ удовлетворенія: потребности возрастаютъ съ увеличеніемъ богатства всегда такъ, что чѣмъ больше богатство, тѣмъ менѣе достаетъ его на удовлетвореніе потребностей. 10) Есть два средства для того, чтобы не страдать отъ бѣдности: увеличивать свое богатство и уменьшать свои потребности. Первое не въ нашей, второе всегда въ нашей власти. 11) Если бы христіане исповѣдывали свой законъ, то не могло бы быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. 12) Богатства такъ же, какъ навозъ, воняютъ, когда они въ кучѣ; когда же они разбросаны, удобряютъ землю».

Приведенныя изреченія, большею частію, кратки, ясны и, съ внѣшней стороны, отвѣчаютъ на требованія, которыя принято предъявлять афоризмамъ. Но, содержаніемъ, они могутъ удовлетворить развѣ

того, кто принимаетъ безъ критики каждую печатную строку.

При рѣзкомъ осужденіи богатства нѣтъ основанія говорить о безнравственности обладанія именно деньгами: предъ лицомъ такого судьи предосудительно владѣніе крупнымъ имуществомъ вообще, въ какой бы видъ оно ни облекалось. Милліонъ рублей, предъ судомъ моралиста, не хуже и не лучше милліона въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, домахъ, промышленномъ или торговомъ предпріятіи. Слѣдуетъ, пожалуй, предпочесть первое: если милліонщикъ рѣшитъ ограничиваться необходимымъ, перейдти на положеніе бѣдняка, то на милліонъ рублей въ деньгахъ онъ сумѣетъ поддержать большее число людей, чѣмъ на равноцѣнное богатство какого-либо другого вида.

Не убѣждаетъ и второе положеніе. Если богатый совсѣмъ освободится отъ богатства, то сотворитъ, съ точки зрѣнія Толстого, наибольшее добро. Однако, нѣтъ основанія отрицать добро, которое онъ можетъ сдѣлать на половину или даже на меньшую часть своего имущества. Если человѣкъ пожертвуетъ частью своего богатства втайнѣ, безъ шума и колокольнаго звона, то нравственное достоинство его поступка болѣе высоко, нежели въ томъ случаѣ, когда онъ отдастъ все, но изъ тщеславія.

И третье положеніе неубѣдительно: какъ связать съ нуждою бѣдныхъ большіе доходы, получаемые писателемъ, если его книги разошлись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, при самой малой и общедоступной цѣнѣ?

Невѣрна мысль, выраженная четвертымъ положеніемъ. Можно говорить, что удовольствія богачей пріобрѣтаются слезами бѣдняковъ лишь постольку,

поскольку богатство нажито эксплуатированіемъ бѣдныхъ. Но если писатель пріобрѣлъ состояніе и позволяетъ себѣ даже дорого стоющія удовольствія, то отнюдь нельзя приводить ихъ въ связь со слезами бѣдняковъ. Притомъ же четвертое изреченіе неприменимо къ удовольствіямъ богатыхъ вообще, разъ они выражаются, напримѣръ, въ наслажденіи красотами природы, произведеніями искусства.

Несостоятельность пятаго положенія очевидна еще болѣе: никто и никогда не называлъ «раздѣленіемъ труда» того общественнаго порядка, при которомъ одни трудятся, а другіе накопляютъ богатства. И если, въ общемъ, труженики и накопляющіе богатства не совпадаютъ, то можно найдти не мало исключеній: при высокомъ вознагражденіи разныхъ видовъ научнаго и художественнаго труда, люди, которые поставляютъ эту работу, имѣютъ возможность скопить крупное состояніе.

Нельзя принять и шестое положеніе: въ нѣкоторыхъ странахъ «нашего міра», именно въ Новомъ Свѣтѣ, на одного богатаго не приходятся даже и десятки бѣдныхъ. Есть основаніе говорить объ огромномъ разстояніи между богатыми и малоимущими, какъ въ Европѣ, такъ въ Америкѣ и Австраліи; но не слѣдуетъ относить къ нищимъ американскихъ фермеровъ и, по крайней мѣрѣ, тѣхъ работниковъ промышленности, которые получаютъ довольно высокую плату.

Невѣрно и седьмое положеніе. Только люди, совсѣмъ ограниченные, думали и думаютъ, что богатство даетъ счастье. Но, несомнѣнно, и въ прошломъ, и теперь большинство убѣждено, что крупное имущество ставитъ человѣка въ условія, при которыхъ

счастье достигается легче, нежели въ бѣдности. Члены всѣхъ общественныхъ слоевъ напрягаютъ силы, дабы создать для себя болѣе благопріятную матеріальную обстановку. Мы слышимъ и читаемъ каждый день, что потребности развиваются, роскошь проникаетъ въ общественныя группы, которымъ сто лѣтъ назадъ почти не была извѣстна. Все громче раздаются жалобы, что жизнь дорожаетъ, что люди, даже сравнительно обезпеченные, не располагаютъ удобствами, которыя имъ хотѣлось бы внести въ обиходъ. Чему приписать эти явленія? Только тому, что придаютъ все большее и большее значеніе условіямъ матеріальной жизни. Кто бѣденъ, тотъ стремится къ скромному достатку; кто уже имѣетъ его, тотъ жаждетъ довольства; кто пріобрѣлъ послѣднее, тотъ старается вступить въ ряды богатыхъ. Исключеніемъ являются тѣ, кто увлекается какимъ-нибудь дѣломъ или хотя бы бездѣльемъ. Наука, искусство, политика, природа, благотворительность, даже разные виды спорта могутъ всецѣло подчинить людей своей власти. А разъ человѣкъ отдалъ себя подъ эту власть, то становится равнодушенъ къ богатству, которое имѣетъ, и спокойно, даже радостно остается при скромной долѣ, ниспосланной ему судьбою.

Нельзя присоединиться и къ восьмому положенію. Оно заставляетъ думать, что, пріобрѣтая богатство, человѣкъ непремѣнно несетъ большія потери. Онѣ извѣстны тому, кто ищетъ богатства. Обыкновенно онѣ сводятся только къ двумъ: 1) пріобщеніе почти всего своего *я* къ дѣятельности, которая можетъ дать богатство и 2) отдаленіе отъ знакомства съ бѣдными людьми, установленіе болѣе тѣсной связи съ людьми обезпеченными. Первое, конечно, отрываетъ человѣка

отъ семьи, общенія съ друзьями, отъ природы, наслажденія наукой и искусствомъ. Но, вѣдь, очень многіе придаютъ этимъ радостямъ мало значенія. Большинство изъ тѣхъ, кто стремится къ пріобрѣтенію богатства, не боятся и второй потери: не легко, въ самомъ дѣлѣ, доказать, что люди простые, бѣдные, непросвѣщенные, гораздо болѣе привлекательны, нежели тѣ, въ чью среду вступаетъ человѣкъ, пріобрѣтающій богатство. Безъ сомнѣнія, среди простыхъ и неимущихъ людей есть таковые; но, въ общемъ, нѣтъ основанія настаивать на ихъ превосходствѣ.

Невѣрно и девятое положеніе. Люди богатые удовлетворяютъ свои потребности только частью, нерѣдко даже небольшой частью своихъ доходовъ: таковы, напримѣръ, американскіе милліардеры. Если же они продолжаютъ заботиться объ увеличеніи богатства, то не для удовлетворенія непрерывно растущихъ потребностей, а только потому, что ихъ увлекаетъ привычный имъ родъ дѣятельности, который безостановочно увеличиваетъ ихъ состояніе.

Нельзя согласиться и съ десятымъ положеніемъ. Какъ увеличеніе нашего богатства можетъ нерѣдко зависѣть отъ насъ, такъ сокращеніе нашихъ потребностей далеко не всегда въ нашей власти. Представимъ себѣ богатыхъ предпринимателей въ какой-либо отрасли производства. Если они соединятся въ синдикатъ, то легко поднимутъ цѣны своихъ товаровъ и быстрѣе увеличатъ свое богатство, чѣмъ то было бы возможно при обособленной дѣятельности каждаго изъ нихъ. Далѣе: если человѣкъ хорошо подготовленъ къ тѣмъ видамъ труда, за которые даютъ высокую плату, то обыкновенно имѣетъ возможность достигнуть богатства. Съ другой стороны,

сокращеніе потребностей стоитъ въ связи со многими условіями. Если человѣкъ обремененъ многочленной семьей, то суженіе потребностей не можетъ идти дальше извѣстныхъ предѣловъ.

Нельзя принять и одиннадцатое положеніе. Если бы христіане исполняли свой законъ, то, конечно, не было бы богатыхъ: но сомнительно, чтобы не было бѣдныхъ. Напротивъ, я убѣжденъ, что множество людей умирало бы съ голода. Исполненіе закона сдѣлало бы людей равнодушными къ напряженной хозяйственной дѣятельности, къ технической изобрѣтательности и усвоенію ея завоеваній. Трудъ не былъ бы производителенъ; но христіанскій законъ не препятствовалъ бы людямъ плодиться, множиться и населять землю. А при такомъ положеніи дѣлъ, ростъ населенія обгонялъ бы возрастаніе средствъ продовольствія, и голодъ часто напоминалъ бы о себѣ людямъ.

Наконецъ, не убѣждаетъ послѣднее изъ приведенныхъ положеній. Разбросанныя богатства удобряютъ землю не во всѣхъ случаяхъ: если огромныя имущества отдѣльныхъ лицъ распредѣлены безпорядочно, то легко могутъ попасть въ руки, которыя затратятъ ихъ на маловажныя потребности; не получивъ производительнаго назначенія, они не послужатъ подспорьемъ для труда, не окажутся въ тѣхъ условіяхъ, когда было бы основаніе сказать, что они «удобряютъ землю».

Кругъ Чтенія содержитъ не мало превосходныхъ замѣчаній о богатствѣ, завѣщанныхъ намъ другими мыслителями. «Я вижу всюду заговоръ богачей, ищущихъ своей собственной выгоды подъ именемъ и предлогомъ общаго блага». Вотъ слова Томаса Моора.

Мы можемъ наблюдать вокругъ насъ и привести изъ исторіи любого народа безчисленные случаи, которые подкрѣпляютъ эту мысль англійскаго мудреца. Всѣмъ извѣстно, какъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи, въ канцеляріяхъ и пріемныхъ высшихъ должностныхъ лицъ, состоятельные землевладѣльцы, промышленники и торговцы, проливая слезу о меньшой братіи, подъ личиной заботы о мужикѣ, фабричномъ работникѣ, о «любезномъ отечествѣ», успѣшно обдѣлываютъ свои дѣлишки.—«Не тотъ бѣденъ, у кого мало, а тотъ, кто хочетъ бо̀льшаго», говоритъ Сенека и обнаруживаетъ этими словами глубокое пониманіе человѣческой природы: въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ усердно сокращаетъ свои потребности, но тяготится этимъ и жалуется, то слѣдуетъ признать его бѣднымъ; если же его матеріальное положеніе и очень скромно, то онъ выходитъ изъ ряда бѣдныхъ, когда доволенъ своею долей.—Сошлюсь, наконецъ, на нѣсколько пространное, но картинное и глубоко вѣрное изреченіе Іоанна Златоуста. «Страшно, истинно страшно сребролюбіе, оно закрываетъ глаза и уши, дѣлаетъ насъ свирѣпѣе звѣрей, не позволяетъ думать ни о совѣсти, ни объ общеніи, ни о спасеніи собственной души, но, заразъ отвративши отъ всего, дѣлаетъ плѣнниковъ своими рабами, какъ нѣкій жестокій тиранъ. И что всего хуже въ этомъ горькомъ рабствѣ—оно заставляетъ даже услаждаться собою, такъ что, чѣмъ больше предаются ему, тѣмъ больше увеличивается удовольствіе». Это изреченіе особенно выигрываетъ отъ того, что Златоустъ бичуетъ *сребролюбіе*, жадность, скупость, *а не богатство*, которое далеко не во всѣхъ случаяхъ

покоряетъ человѣка и вырываетъ съ корнемъ всѣ добрыя влеченія изъ его души.

VIII.

Къ вопросу *о вѣрѣ* Толстой возвращается много разъ [10]).

«1) Безъ вѣры человѣкъ всякую минуту готовъ отречься отъ всего того, во имя чего онъ жилъ, и начать жизнь во имя того, что онъ проклиналъ. 2) Истинная вѣра влечетъ къ себѣ не тѣмъ, что обѣщаетъ благо вѣрующему, а тѣмъ, что представляетъ единственное прибѣжище спасенія отъ всѣхъ бѣдъ и смерти. 3) Удаленъ отъ Бога не тотъ, кто сомнѣвается въ его существованіи и мучается этимъ сомнѣніемъ, а тотъ, кто на слово повѣрилъ въ существованіе или несуществованіе Бога и не сомнѣвается въ томъ, что ему сказали. 4) Пока человѣкъ живетъ, онъ вѣритъ. Чѣмъ ближе его вѣра къ истинѣ, тѣмъ счастливѣе его жизнь; чѣмъ дальше отъ истины эта вѣра, тѣмъ человѣкъ несчастнѣе. Безъ вѣры же человѣкъ не живетъ. Онъ умираетъ естественной смертью или убиваетъ себя. 5) Жизнь человѣка для него самого не имѣетъ и не можетъ имѣть смысла, какъ не можетъ имѣть смысла для работника на заводѣ его работа, если онъ не знаетъ устройства всего завода. Но человѣкъ не можетъ не допустить, что есть Тотъ, для котораго его жизнь имѣетъ смыслъ. Въ этомъ вѣра. А если вѣришь въ это, то не можешь не дѣлать того, чего хочетъ отъ тебя Тотъ, для котораго твоя жизнь имѣетъ смыслъ. 6) Не вѣрьте словамъ ни своимъ, ни чужимъ, вѣрьте только дѣламъ и своимъ и чужимъ».

Первое положеніе можетъ быть принято, если понимать *вѣру* въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Конечно, разъ человѣкъ не вѣритъ ни во что, то можетъ быть уподобленъ листу, несомому вѣтромъ; всегда можно ожидать самыхъ рѣзкихъ скачковъ въ его мысляхъ, тѣмъ болѣе въ его поступкахъ. Но пятое положеніе Толстого заставляетъ давать слову «вѣра» ограничительное толкованіе: подъ вѣрой разумѣется обычное состояніе духа человѣка религіознаго, который признаетъ бытіе Бога, какъ высшаго Существа, управляющаго міромъ. Если отправляться отъ этого положенія, то первое утрачиваетъ смыслъ. Нельзя согласиться съ Толстымъ, будто, одна вѣра даетъ человѣку устойчивость, преданность опредѣленнымъ интересамъ, готовность служить имъ, рѣшимость далеко отклониться отъ нихъ только подъ вліяніемъ вѣскихъ побужденій. Мы встрѣчаемъ невѣрующихъ на каждомъ шагу (т. е. вѣрующихъ не такъ, какъ носители истинной вѣры, по опредѣленію Толстого); многіе изъ нихъ устойчивы въ своихъ убѣжденіяхъ и твердо держатся поведенія, которое разъ было усвоено ими. Среди культурныхъ народовъ мы часто находимъ такихъ людей; но развѣ именно между ними слѣдуетъ искать развинченныхъ и ничтожныхъ, о которыхъ говоритъ Толстой?

Принятіе второго положенія заставляетъ насъ до крайности ограничить число людей, которые имѣютъ прибѣжище отъ бѣдъ и смерти; придется ограничить ихъ просто потому, что очень многіе, по характеру вѣрованій, отстоятъ далеко отъ Толстого. Изъ числа людей, которые называютъ себя христіанами, пришлось бы исключить всѣхъ тѣхъ, чья вѣра тонетъ

въ безчисленныхъ обрядахъ; нужно было бы устранить и всѣхъ безбожниковъ и т. д. Но, вѣдь, мы знаемъ, что очень многіе среди тѣхъ и другихъ находятъ утѣшеніе, и отъ всякаго горя, и въ виду близкой смерти. И не легко понять, почему бы такимъ утѣшеніемъ не могло служить прочное сознаніе, что всему живому есть конецъ, что умершій растворяется въ бездушной природѣ, на время оставляетъ память о себѣ среди бо́льшаго или меньшаго числа людей—и только. Въ это положеніе Толстого внесено такъ много субъективнаго, что далеко не всѣ найдутъ его убѣдительнымъ.

Третье положеніе выдаетъ крайній аристократизмъ Толстого; ничего подобнаго и не подозрѣваютъ его, обыкновенно, слѣпые почитатели. Во всѣхъ проявленіяхъ своего творчества онъ охотно превозноситъ простыхъ людей и противопоставляетъ ихъ образованнымъ классамъ, погрязшимъ въ ложной цивилизаціи. Присоединиться къ этому — значитъ признать, что первые гораздо ближе къ Богу, чѣмъ вторые, что первые, даже безотносительно, близки къ Богу. Но часто ли, спрашивается, найдешь въ этой средѣ такихъ, которые подошли къ Богу путемъ сомнѣнія въ его существованіи? О томъ, что есть Богъ, они слышали съ дѣтства отъ представителей церкви, отъ своихъ отца, матери, приняли это на вѣру и проходятъ съ нею всю жизнь, безъ колебаній. Мы находимъ то же и въ образованныхъ классахъ: и здѣсь большинство, чисто механически, изъ окружающей среды, воспринимаетъ понятіе о Богѣ. Однако, сомнѣнія, борьба вѣры съ ея отрицаніемъ встрѣчаются здѣсь гораздо чаще, чѣмъ у простыхъ людей: объ этомъ свидѣтельствуетъ и не-

обѣятная философско-богословская литература, поскольку она пытается отвѣтить на вопросъ о Богѣ, и сравнительная легкость, съ которою члены образованнаго класса, оставаясь вѣрующими, отбрасываютъ обрядовую сторону религіи. — Повторяю, въ этомъ изреченіи Толстой говоритъ, какъ представитель аристократіи ума и просвѣщенія, смотрящій свысока на многомилліонныя массы. Но это изреченіе не увлекаетъ меня и своимъ содержаніемъ. Если сказать, вмѣстѣ съ Толстымъ, что главнымъ свойствомъ истинно вѣрующихъ является добрая жизнь, проникнутая желаніемъ служить ближнимъ, и вѣра въ бытіе верховнаго Начала, которое требуетъ отъ человѣка именно такой жизни, то несостоятельность изреченія становится очевидной. Человѣка мучитъ сомнѣніе въ томъ, есть ли Богъ или Его нѣтъ; быть можетъ, эти сомнѣнія наполняютъ его умъ долгіе годы; быть можетъ, онъ обращается къ разнымъ отраслямъ знанія и ожидаетъ отъ нихъ отвѣта; быть можетъ, онъ равнодушенъ къ богатству, почету, славѣ. Если онъ, въ то же время, равнодушенъ къ ближнимъ, не одушевленъ желаніемъ служить имъ, то мы затруднимся говорить о его близости къ Богу. Мы признаемъ болѣе близкими тѣхъ простыхъ людей, которые, услыхавъ, что есть Богъ, повѣрили этому безъ мудрованій, рѣшили, что вѣра въ Бога выражается добрыми дѣлами, любовью къ ближнимъ, и, на всю жизнь, согласовали свое поведеніе съ этой вѣрой.

Четвертое положеніе не можетъ быть принято безъ двухъ оговорокъ. Если у человѣка нѣтъ вѣры ни во что, то, пожалуй, онъ готовъ наложить на себя руки скорѣе, нежели тотъ, кто во что либо вѣритъ.

Но есть ли данныя говорить, что онъ умираетъ «естественною смертью»? Если запасъ тѣлесныхъ силъ довольно великъ и не подвернется несчастный случай, то человѣкъ, лишенный всякой вѣры, можетъ дожить до самой глубокой старости. Во-вторыхъ, вызываютъ большое сомнѣніе слова, что жизнь тѣмъ болѣе счастлива, чѣмъ ближе вѣра къ истинѣ. Какія данныя позволяютъ намъ утверждать, что особенно счастлива жизнь людей, коихъ вѣра всего ближе подходитъ къ вѣрѣ Толстого, что они гораздо болѣе, безконечно болѣе счастливы, нежели тѣ, кто говоритъ, вмѣстѣ съ матеріалистами, — «Бога нѣтъ, а есть только природа, которая дѣйствуетъ по присущимъ ей законамъ»? Споры относительно болѣе или менѣе счастливой жизни столь же неумѣстны и безплодны, какъ споры о превосходствѣ одного вѣроученія предъ другимъ, что Толстой изобразилъ такъ ярко въ *Суратской кофейной*. Это положеніе выиграло бы, если бы Толстой отмѣтилъ, какъ условіе счастливой жизни, не близость вѣры къ истинѣ, а *твердость вѣры* человѣка. Есть основаніе думать, что для душевнаго равновѣсія (важнѣйшее условіе счастливой жизни!) въ одной и той же степени важна увѣренность, что есть Богъ, какъ верховное, непостижимое, чисто духовное Начало, или же Богъ, какъ о Немъ учитъ церковь, или же что вселенная знаетъ только Силу и Вещество.

Нельзя согласиться съ мыслями, которыя высказаны въ пятомъ положеніи. Прежде всего—неудачное сопоставленіе. Работникъ можетъ охотно трудиться на заводѣ, хотя бы и не былъ знакомъ съ его устройствомъ во всѣхъ подробностяхъ. Работа имѣетъ для него смыслъ, если хорошо оплачивается,

а также и при скудномъ вознагражденіи, когда работникъ преслѣдуетъ какія либо общія цѣли своего класса, стремится, напримѣръ, знакомить собратій по занятію съ задачами своей партіи и привлекать ихъ въ ея ряды. Такимъ образомъ, если даже допустить, что жизнь человѣка для него самого и не имѣетъ смысла, то сравненіе не можетъ быть принято. Но и основное положеніе было бы пригодно лишь въ томъ случаѣ, если бы мы наблюдали вокругъ себя гораздо меньше жизнерадостности, чѣмъ наблюдаемъ. Человѣкъ науки, отъ ранней юности и до полнаго одряхленія, неустанно работаетъ въ области умственнаго труда; мальчишка, продававшій 2—3 года спички на улицахъ Чикаго, становится приказчикомъ, затѣмъ пайщикомъ крупнаго торговаго предпріятія, умѣло объединяетъ нѣсколько промышленныхъ дѣлъ и наживаетъ сотни милліоновъ; несравненный пѣвецъ пріобрѣтаетъ безчисленныхъ поклонницъ въ Петербургѣ и Мадридѣ, Нью-Іоркѣ и Неаполѣ, накопляетъ огромныя сбереженія изъ своего баснословнаго заработка и испускаетъ послѣдній вздохъ въ великолѣпномъ замкѣ на берегу Арно; любитель старины собираетъ всякій хламъ временъ Цезаря, Юстиніана, Людовика XIV и, доживъ до дрожащихъ рукъ и слезящихся глазъ, съ безпокойствомъ спрашиваетъ себя, когда вычеканена эта истертая монета, при Августѣ или Антонинахъ.... Быть можетъ, эти люди никогда не останавливались надъ вопросомъ, есть ли «Тотъ, для котораго моя жизнь имѣетъ смыслъ»; быть можетъ, любовь къ ближнему не занимала замѣтнаго мѣста въ ихъ душѣ. Но каждый изъ нихъ скажетъ безъ колебаній: «моя жизнь имѣла и имѣетъ смыслъ потому, что

мнѣ удалось выразить мою личность, дать просторъ главнымъ силамъ, которыми надѣлила меня судьба».

Шестое положеніе способно служить источникомъ большого соблазна для того, кто рѣшилъ бы принять его за руководство. Многіе обладаютъ полною возможностью сдѣлать то, о чемъ говорятъ, но не дѣлаютъ; при этомъ возникаетъ сомнѣніе, хотятъ ли они того, что совѣтуютъ другимъ. Это сомнѣніе еще не даетъ права относиться къ словамъ съ безоговорочнымъ отрицаніемъ: быть можетъ, совѣты содержатъ полезныя указанія; упавъ на воспріимчивую почву, они принесутъ желанные плоды. Предположимъ, что, не имѣя желанія ухаживать за ранеными на Балканахъ или прокаженными въ Восточной Сибири, хотя бы у меня было все, что для этого нужно, я буду увлекательно говорить о такомъ служеніи ближнему; предположимъ, что нѣсколько человѣкъ, подъ вліяніемъ слышаннаго отъ меня, посвятятъ себя этому служенію: тогда будетъ основаніе приписывать ихъ услуги ближнимъ тому, что они прислушались къ моимъ словамъ и повѣрили имъ. — Еще большею ошибкой является пренебреженіе словами и требованіе дѣлъ отъ того, кто лишенъ возможности дѣйствовать. Такъ, если человѣкъ слабаго здоровья, увѣчный, дряхлый, или заключенный въ темницѣ, указываетъ на какую нибудь общественную бѣду и призываетъ служить ближнимъ въ извѣстномъ направленіи, то было бы неразумно пренебречь его словами: нѣтъ, слѣдовало бы вѣрить имъ, слѣдовало бы даже предполагать, что, имѣй онъ возможность дѣйствовать согласно съ тѣмъ, что говоритъ и пишетъ, онъ не уклонялся бы отъ дѣла.

Приведу нѣсколько превосходныхъ изреченій, нашедшихъ себѣ мѣсто въ разбираемомъ сборникѣ. «Какъ хорошо бываетъ человѣку, говоритъ Паскаль, когда онъ истомится въ напрасныхъ поискахъ за благомъ въ мірской жизни и протянетъ, усталый, свои руки ко Христу!» «Прежде всего, говоритъ Кантъ, я принимаю слѣдующее основное положеніе, не требующее никакихъ доказательствъ: все, что сверхъ хорошаго образа жизни человѣкъ считаетъ возможнымъ совершить, чтобы сдѣлаться угоднымъ Богу, есть одно религіозное заблужденіе и ложное служеніе Богу». А вотъ неподписанныя слова, принадлежащія, быть можетъ, Толстому: «Не бойся откидывать отъ своей вѣры все тѣлесное, все видимое, осязаемое; чѣмъ больше ты очистишь духовное ядро твоей вѣры, тѣмъ тверже оно будетъ для тебя».

IX.

Собрано также немало изреченій по вопросамъ *о самоотреченіи и самосовершенствованіи* [11]).

«1) Общественная жизнь можетъ быть улучшена только самоотреченіемъ людей. 2) Въ частной и общей жизни одинъ законъ: хочешь улучшить жизнь, будь готовъ отдать ее. 3) Чѣмъ больше отвлекается человѣкъ отъ своей личности, тѣмъ больше вліянія онъ имѣетъ на людей. Личность есть покровъ, скрывающій Божество. 4) Стоитъ вспомнить о себѣ въ серединѣ рѣчи и теряешь нить своей мысли. Только, когда мы совершенно забываемся, выходимъ изъ себя, только тогда мы можемъ плодотворно общаться съ другими, служить имъ и вліять на нихъ 5) Смерть разрушаетъ тѣло, какъ разрушаютъ лѣса,

когда зданіе построено. И тотъ, чье зданіе построено, радуется разрушенію лѣсовъ и тѣла. 6) Себялюбіе нужно только для сохраненія жизни въ тѣхъ плотскихъ предѣлахъ, въ которыхъ оно проявляется. Когда же разумъ, по свойству своему предназначенный на разрушеніе всякой отдѣленности, употребляется на утвержденіе и уясненіе этой отдѣленности, себялюбіе становится вреднымъ и мучительнымъ. 7) Наслаждающихся и самодовольныхъ художниковъ и мыслителей не бываетъ. Единственный, несомнѣнный признакъ присутствія призванія есть самоотверженіе, есть жертва собой, для проявленія вложенной въ человѣка на пользу другимъ людямъ силы. Безъ мукъ не рождается и духовный плодъ. 8) Охраняйте ваше сердце отъ чуждыхъ вамъ заботъ; не вмѣшивайтесь въ то, что до васъ не касается; старайтесь лучше о томъ, чтобы исправиться и преуспѣвать на пути къ совершенству. 9) Совершенствоваться нельзя, живя постоянно въ суетѣ мірской, и еще меньше возможно, живя въ пустынѣ. Самое важное условіе для совершенствованія это то, чтобы въ уединеніи вырабатывать и утверждать свое міровоззрѣніе и потомъ, живя въ мірѣ, примѣнять его къ дѣлу».

Можно ли присоединиться къ первому положенію? Общество состоитъ изъ господствующихъ и подчиненныхъ. Улучшеніе общественнаго строя знаменуется тѣмъ, что вторые пріобрѣтаютъ все большее участіе въ выгодахъ, которыми пользуются первые. Самоотреченіе, какъ свидѣтельствуетъ вся исторія человѣчества, не занимаетъ главнаго мѣста въ ряду силъ, которыя измѣняли общественную жизнь къ лучшему. Всѣ добровольныя уступки со

стороны господствующихъ далеко перевѣшивались и перевѣшиваются тѣми ихъ завоеваніями и пріобрѣтеніями, которыя они совершали подъ вліяніемъ эгоизма. То же, что выпадало на долю угнетенныхъ, обездоленныхъ, добывалось, прежде всего, посредствомъ борьбы.

Къ первому положенію примыкаетъ второе; и оно не можетъ быть принято. Конечно, готовность пожертвовать жизнью является тѣмъ крайнимъ средствомъ, которое иногда необходимо въ частномъ быту, тѣмъ болѣе, при рѣшеніи общественныхъ задачъ. Но, вѣдь, улучшенія совершаются медленно, постепенно; имъ содѣйствуютъ безчисленные мелкіе факты во всѣхъ областяхъ жизни. Только люди, совсѣмъ неразсчетливые, готовы цѣликомъ отдать себя любому изъ мелкихъ дѣлъ, которыя знаменуютъ движеніе общества впередъ. Сравнивая настоящее съ далекимъ прошлымъ, мы говоримъ, что жить стало лучше. Въ этомъ поступательномъ движеніи многое совершалось потому, что люди были готовы пожертвовать жизнью для достиженія поставленной цѣли; но главнымъ движущимъ началомъ былъ разумно направленный трудъ, одухотворенный сознаніемъ долга.

Историческій опытъ не оправдываетъ третьяго положенія: и Гёте, и Наполеонъ вовсе не отвлекались отъ своей личности, отъ своихъ вкусовъ, отъ радостей, которыя доставляло духовное господство первому и государственное—второму, а между тѣмъ имѣли огромную власть надъ людьми. Странно было бы сравнивать ее съ тѣмъ скромнымъ вліяніемъ, которое оказываютъ на окружающую среду безчисленные простые люди, самоотверженные, готовые совсѣмъ отвлечься отъ личной жизни.

Человѣкъ теряетъ нить, возражу я на четвертое положеніе, если, среди своей рѣчи, вспомнитъ не только о себѣ, но и о чемъ-либо, не связанномъ съ основнымъ теченіемъ своихъ мыслей. Если въ разгарѣ бесѣды о томъ, какова наиболѣе цѣлесообразная форма служенія ближнимъ, человѣкъ вспомнитъ о бранныхъ тревогахъ, охватившихъ балканскіе народы, то долженъ будетъ сдѣлать значительное усиліе, дабы возстановить ходъ своихъ мыслей.

Нельзя отнести къ удачнымъ и пятое изреченіе. Если жизнь человѣка протекаетъ безъ тяжелыхъ ударовъ, то онъ охотно умираетъ только по достиженіи очень преклоннаго возраста и по утратѣ большей части духовныхъ силъ. Онъ умираетъ охотно, если задача его жизни не была рѣшена или даже не была поставлена. Но можетъ ли сказать человѣкъ, въ возрастѣ полной рабочей силы, что онъ уже рѣшилъ свою задачу? Видитъ ли онъ главное дѣло своей жизни въ открытіи невѣдомыхъ странъ, въ обогащеніи науки новыми истинами, искусства—новыми образами, въ накопленіи имущества, въ неустанномъ, безкорыстномъ служеніи ближнимъ,—онъ всегда склоненъ сказать: «я еще обладаю такимъ запасомъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, что могу не мало потрудиться въ излюбленной области».

Шестое положеніе, нескладное и тяжеловѣсное, вызываетъ у читателя нѣсколько вопросовъ: «гдѣ границы тѣхъ плотскихъ предѣловъ жизни, въ которыхъ допустимо проявленіе себялюбія? Разъ оно становится вреднымъ и мучительнымъ, то для кого? для себялюбца или для окружающихъ?»

Многое изъ того, что мы знаемъ о жизни раз-

ныхъ крупныхъ мыслителей и художниковъ, опровергаетъ седьмое положеніе. Извѣстно, что и Рубенсъ, и Гёте, и Пушкинъ, и Гюго умѣли и любили наслаждаться жизнью. Если бы самоотверженіе и жертва были признаками того, что человѣкъ призванъ къ научному или художественному творчеству, то послѣднее было бы чѣмъ-то вынужденнымъ, навязаннымъ извнѣ. А между тѣмъ на плодахъ истиннаго творчества лежитъ печать всего существа мыслителя или художника; они создаютъ свое произведеніе потому, что не могутъ не творить. Съ величайшими созданіями науки и искусства связано не самоотверженіе ихъ творцовъ, а высокое наслажденіе.

Восьмое положеніе можетъ поставить на скользкій путь того, кто ему послѣдуетъ. Самые важные интересы ближнихъ могутъ быть отнесены къ числу «чуждыхъ заботъ»; вопіющее проявленіе общественнаго зла, для смягченія котораго и моя лепта была бы не лишнею, можетъ быть оставлено безъ всякаго вниманія потому, что это меня «не касается». Забота о самоисправленіи и самосовершенствованіи можетъ свестись къ тому, что, воздерживаясь отъ порочной жизни, будешь равнодушенъ и къ дѣланію добра.

Девятое изреченіе ставитъ передъ читателемъ неразрѣшимую задачу: первая его половина уничтожаетъ вторую. Выработка наилучшаго міровоззрѣнія и его укрѣпленіе являются главнымъ условіемъ самосовершенствованія. Пока такое міровоззрѣніе не выработано, человѣкъ колеблется въ своемъ поведеніи; до тѣхъ поръ не можетъ быть рѣчи о законченномъ самосовершенствованіи. Толстой совѣтуетъ вырабатывать міросозерцаніе въ уединеніи; но этому

совѣту предшествуютъ слова, что въ пустынѣ совершенствованіе невозможно.

И по вопросу о самосовершенствованіи мы находимъ нѣсколько поучительныхъ изреченій. Отмѣчу прежде всего слова Марка Аврелія: «Странно. Человѣкъ возмущается зломъ, исходящимъ извнѣ, отъ другихъ,—тѣмъ, что устранить не можетъ, и не борется со своимъ собственнымъ зломъ, хотя это въ его власти». «Хорошо человѣку быть, говоритъ Торо, въ концѣ года лучше, чѣмъ въ началѣ». А вотъ два неподписанныхъ изреченія; возможно, что они принадлежатъ Толстому. «Мы сердимся на обстоятельства, огорчаемся, хотимъ измѣнить ихъ; а между тѣмъ всѣ возможныя обстоятельства суть не что иное, какъ указанія того, въ какихъ положеніяхъ, какъ нужно дѣйствовать. Ты здоровъ—дѣлай усиліе, чтобы употребить на служеніе людямъ твои силы; ты боленъ—дѣлай усиліе не мѣшать людямъ твоей болѣзнью. Ты богатъ—дѣлай усиліе избавиться отъ богатства; ты бѣденъ—дѣлай усиліе не требовать ничего отъ людей. Ты обиженъ—дѣлай усиліе любить своихъ обидчиковъ. Ты обидѣлъ—дѣлай усиліе уничтожить сдѣланное тобой зло». «Тотъ, кто положилъ жизнь свою въ совершенствованіи, смотритъ только впередъ. Оглядывается на то, что онъ сдѣлалъ, только тотъ, кто остановился».

X.

Попытаемся разобраться въ томъ, что Толстой говоритъ объ *устройствѣ жизни* [12]).

«1) Если вы заглянете въ исторію, то найдете, что одной изъ главныхъ причинъ постоянныхъ бѣдствій человѣчества было то, что люди служатъ или

тѣмъ, кого они видѣть уже не могутъ и которые уже не нуждаются въ ихъ помощи, или гордымъ и злымъ, которые слишкомъ ослѣпляютъ глаза и помогать которымъ не слѣдуетъ. 2) Забавно подумать, что на свѣтѣ есть люди, которые, отрекшись отъ всѣхъ божескихъ и естественныхъ законовъ, создали сами себѣ законы и строго повинуются имъ, какъ, напримѣръ, воры и прочіе. 3) Люди—разумныя существа. Для чего же они въ общественной жизни руководствуются не разумомъ, а насиліемъ? 4) Если ты страдаешь отъ зла существующаго устройства міра или возмущаешься имъ, то знай, что для борьбы съ этимъ порядкомъ есть только одно средство: усиленіе въ людяхъ религіознаго сознанія. Понятно, что такое усиленіе должно произойдти прежде всего въ тебѣ самомъ. И это усиленіе религіознаго сознанія въ тебѣ есть могущественнѣйшее средство усиленія его въ другихъ. 5) Быть угнетателемъ-господиномъ хуже, чѣмъ быть покорнымъ рабомъ. 6) Помни, что ты не живешь въ мірѣ, а проходишь черезъ него. 7) Люди стремятся въ жизни не къ тому, чтобы дѣлать то, что они считаютъ хорошимъ, а къ тому, чтобы называть какъ можно больше вещей своими. 8) Нельзя приводить существующій порядокъ въ оправданіе своихъ поступковъ. Существующій порядокъ не есть что либо постоянное; онъ подлежитъ постоянному измѣненію, переходу отъ худшаго къ лучшему. И переходъ этотъ можетъ совершиться только благодаря нашему недовольству, несогласію съ существующимъ устройствомъ. 9) Стоитъ человѣку отвернуться отъ разрѣшенія внѣшнихъ вопросовъ и поставить себѣ единый, истинный, свойственный человѣку внутренній вопросъ, какъ ему лучше

прожить свою жизнь, чтобы всѣ внѣшніе вопросы получили наилучшее разрѣшеніе. 10) Люди, владѣющіе земельной собственностью, и на словахъ и въ судахъ осуждаютъ людей за присвоеніе чужой собственности. Неужели они не понимаютъ, что имъ, не переставая отнимающимъ у народа самую неотъемлемую собственность, надо сгорѣть отъ стыда, какъ только будетъ упомянуто слово воровство, а не осуждать и не карать за то, въ чемъ они сами, не переставая, кругомъ виноваты. 11) Цѣль представительнаго правленія не въ томъ, чтобы была осуществлена большая справедливость, а въ томъ, чтобы люди не имѣли права жаловаться на дурное управленіе. 12) Лучше вѣрить въ самое отдаленное и невозможное добро, чѣмъ вѣрить въ то, что хотя бы самое малое зло свойственно людямъ. 13) Ничто не препятствуетъ столько улучшенію общественнаго устройства, какъ предположеніе о томъ, что такое улучшеніе можетъ быть достигнуто измѣненіемъ внѣшнихъ формъ. Ложное предположеніе это направляетъ дѣятельность людей на то, что не можетъ содѣйствовать, и отвлекаетъ отъ того, что можетъ содѣйствовать улучшенію жизни людей».

Первое положеніе неудачно уже въ силу своей крайней неясности. Вторая половина изреченія могла бы быть принята, если бы Толстой хотя намекнулъ, почему гордые и злые ослѣпляютъ глаза. Намекни онъ на это, и онъ взошелъ бы къ насилію, какъ исконному источнику общественной неправды.

Неудачно и второе положеніе. Если выдвигать воровъ, какъ нарушителей законовъ, на первое мѣсто, то слѣдуетъ сказать, что они отрекаются, прежде всего, отъ гражданскихъ законовъ. Человѣкъ еще не

будетъ названъ воромъ, если нарушаетъ божескіе и естественные законы; его признаютъ таковымъ лишь по нарушеніи государственныхъ законовъ, запрещающихъ воровство. Если же понимать слова «воры и прочіе» въ обширномъ смыслѣ, относить сюда, что такъ охотно дѣлаетъ Толстой, и многихъ представителей государственной власти, то изреченіе будетъ содержать невѣрную мысль: представители государственной власти, установляя гражданскіе законы, не отвергаютъ всѣхъ, такъ называемыхъ, божескихъ и естественныхъ законовъ. Сошлемся, въ видѣ примѣра, на тѣ, знакомые всему культурному міру законы, которые защищаютъ слабыхъ—женщинъ и дѣтей—отъ насилія со стороны даже членовъ семьи—мужчинъ.

Третье положеніе выдаетъ большую наивность Разъ было бы доказано, что люди—добрыя существа, проникнутыя горячею любовью къ ближнимъ, то нелегко было бы отвѣтить на вопросъ, почему въ общественной жизни такъ много насилія. Разумъ же людей не идетъ въ разрѣзъ съ ихъ себялюбіемъ. Человѣкъ прибѣгаетъ къ насилію не въ силу неразумности, а главнымъ образомъ потому, что хочетъ достигнуть личныхъ выгодъ, чему другой, тоже разумный, не хочетъ содѣйствовать добровольно.

Не убѣждаетъ и четвертое положеніе. Усиленіе религіознаго сознанія (то-есть, укрѣпленіе и очищеніе нравственнаго чувства) имѣетъ, конечно, большую важность; но наблюденіе показываетъ, что вліяніе примѣра, который исходитъ въ этомъ направленіи отъ отдѣльныхъ лицъ, очень невелико. Какъ въ далекомъ прошломъ, такъ и теперь есть группы людей (скажемъ «секты»), руководящихся возвышенными

правилами поведенія. Допустимъ, что этихъ правилъ держится даже большинство людей, которые причисляютъ себя къ членамъ данной группы: и, все-таки, это вліяніе распространяется на очень тѣсную площадь. Представимъ себѣ, что борьба съ темными сторонами русской жизни была бы отнесена только на счетъ этихъ добровольцевъ. Представимъ себѣ, что надѣялись бы устранить общественное зло чрезъ вліяніе, которое исходитъ отъ высоко нравственныхъ русскихъ людей: тогда условія жизни стали бы совсѣмъ невыносимы. И теперь сильный угнетаетъ слабаго; тогда гнетъ сталъ бы еще болѣе тяжелъ. Какъ ни мало дѣлаетъ современное государство въ этомъ направленіи, оно дѣлаетъ гораздо больше, нежели добрые примѣры людей, которые вѣрны началамъ высокой нравственности.

Сомнѣваюсь, чтобы пятое изреченіе пріобрѣло много сторонниковъ. Читатель можетъ не увлекаться богатствомъ, пышностью и блескомъ, которые составляютъ удѣлъ угнетателя-господина; онъ можетъ относиться къ рабу не съ презрѣніемъ, а съ состраданіемъ. И все же онъ скажетъ, что Толстой упускаетъ изъ вида очень важную особенность: возможность перемѣны въ положеніи господина и раба. Первый, подъ вліяніемъ нравственнаго пробужденія, можетъ стать мягкимъ, снисходительнымъ, можетъ даже выйдти изъ рядовъ своего класса, надѣлить своихъ рабовъ свободой и имуществомъ. А второй, оставаясь покорнымъ, только облегчаетъ властвованіе господъ, помогаетъ гнету, который исходитъ отъ нихъ. Для раба же перемѣна положенія связана съ борьбой: она приводитъ къ желанной

цѣли только при особенно благопріятныхъ условіяхъ, какія не часто находимъ въ исторіи.

Шестое положеніе можетъ быть очень опасно для людей со слабой волей: въ своей личной жизни они готовы довольствоваться немногимъ; въ то же время они равнодушны ко всякому общему дѣлу. А разъ имъ напоминаютъ, что они только проходятъ черезъ міръ, то навязывается выводъ о маловажности и ненужности всего окружающаго. Недалеко ушло бы человѣчество, если бы руководствовалось этимъ совѣтомъ!

Седьмое положеніе невѣрно. Людей, изображенныхъ Толстымъ, меньше, чѣмъ можно было бы заключить по первому впечатлѣнію. Конечно, тѣ, кто накопляетъ доходы отъ унаслѣдованнаго богатства или напряженно работаетъ безъ увлеченія своимъ дѣломъ, подходятъ подъ понятіе Толстого. Но исключеній очень много. Обширную группу образуютъ тѣ, кто преданъ наукѣ, искусству, общественной дѣятельности, благотворительности; еще большую тѣ, кто излюбилъ какую-нибудь забаву. О томъ, чтобы называть возможно больше вещей своими, не думаетъ не только ученый, работающій въ лабораторіи, не только поэтъ, котораго лишаютъ сна его мечты и образы, но и любитель воздухоплаванія, шахматъ, борьбы, лодки, бѣганья на конькахъ. Вопреки положенію Толстого, эти люди посвящаютъ большую часть жизни тому, что считаютъ *хорошимъ*. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать о милліонахъ людей, которые болѣе или менѣе довольны своимъ положеніемъ и не стремятся къ увеличенію своего имущества просто потому, что не имѣютъ сильно выраженной воли.

Восьмое положеніе таково, что люди, очень далекіе отъ міровоззрѣнія Толстого, раздѣлятъ его болѣе охотно, нежели его послѣдователи. Разъ говорится о «недовольствѣ, о несогласіи съ существующимъ устройствомъ», какъ условіяхъ, которыя могутъ способствовать переходу къ лучшему складу жизни, то считается естественной забота о вопросахъ, выходящихъ за предѣлы своего «я», одобряется выраженіе недовольства, стало быть, одобряется и борьба. Всецѣло присоединяясь ко второй половинѣ этого изреченія, я отмѣчаю полную неправильность первой. Нѣтъ, скажу я, нерѣдко слѣдуетъ ссылаться на существующій порядокъ въ оправданіе своихъ поступковъ. Представимъ себѣ, что писатель приступилъ къ изданію книги, которая затрогиваетъ важные вопросы государственной, общественной, церковной жизни. Цензура сурова. Дабы сочиненіе увидѣло свѣтъ, нужно высказать многое болѣе мягко и менѣе прозрачно, нежели хочетъ и можетъ авторъ; при такомъ условіи, книга найдетъ читателей въ сравнительно тѣсномъ кругу. Навѣрное, многіе будутъ готовы упрекнуть автора. Но онъ имѣетъ полное право сослаться на «существующій порядокъ», который поставилъ предъ нимъ одно изъ двухъ: или написать книгу менѣе ярко, чѣмъ бы хотѣлось, чѣмъ было бы нужно для увеличенія привлекательности и даже вразумительности труда, или же отказаться отъ ея изданія. Другой примѣръ. Происходятъ выборы въ члены законодательнаго собранія, городского или земскаго самоуправленія. Я убѣжденъ, что изъ намѣченныхъ кандидатовъ А. лучше другихъ. Но я увѣренъ, что, вслѣдствіе господствующаго порядка, онъ избранъ быть не можетъ: а потому, скрѣпя

сердце, я подаю голосъ за Б., который похуже А., но лучше остальныхъ.

Девятое положеніе могло быть продиктовано только въ минуты, когда человѣкъ всецѣло подпадаетъ подъ власть мечты. Безъ сомнѣнія, всѣ внѣшніе вопросы исчезли бы съ лица земли, если бы люди сразу обратились въ ангеловъ. Такое превращеніе заманчиво; мечтать о немъ, пожалуй, еще болѣе пріятно, нежели о томъ, что Петербургъ окруженъ не болотами, а цѣпью альпійскихъ горъ, что мы, обитатели большихъ городовъ, живемъ не въ каменныхъ мѣшкахъ, а въ маленькихъ, изящныхъ домахъ съ садами, даже о томъ, что тяжкія заразительныя болѣзни уже никогда не будутъ безпокоить человѣчество!

Десятое изреченіе не удовлетворитъ и самаго завзятаго народолюбца. Пожалуй, можно примѣнить слова Толстого къ тѣмъ, кому принадлежитъ обширная площадь земли. Но какъ распространить ихъ на безчисленные милліоны крестьянъ, владѣющихъ мелкими участками, гдѣ собственникъ едва можетъ прокормить себя и свою семью? Стоишь ли за разумность права частной собственности на землю, отвергаешь ли это право,—владѣніе мелкимъ земельнымъ участкомъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приравнено воровству. Разберемъ простѣйшій случай. Работникъ откладывалъ изъ своей платы много лѣтъ и успѣлъ накопить столько, сколько нужно для покупки клочка земли. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, онъ платитъ за десятину сотни рублей или только немногіе десятки. То, что онъ уплатилъ, пріобрѣтено его личнымъ трудомъ; доходъ, который станетъ приносить хозяйство на

купленномъ участкѣ, будетъ также плодомъ только личнаго труда. И эти-то маленькіе люди, владѣніе которыхъ землею отнюдь не можетъ быть приравнено воровству, нерѣдко относятся къ ворамъ гораздо болѣе сурово, нежели крупные собственники.

Не убѣждаетъ и одиннадцатое положеніе. Представительное правленіе, какова бы ни была его форма, не умаляетъ права гражданъ жаловаться на дурное управленіе, ни даже на дурное законодательство. Пока меньшинство обязано подчиняться большинству, до тѣхъ поръ всегда и вездѣ будутъ люди, неудовлетворенные самыми цѣлесообразными и разумными законами. Дурного же управленія представительная форма не исключаетъ потому, что исполнительная власть находится только въ очень слабой зависимости отъ законодательной.

Двѣнадцатому изреченію могутъ сочувствовать развѣ тѣ, кто совсѣмъ отдѣлился отъ людей и задумалъ проводить жизнь въ полномъ одиночествѣ. Нѣтъ бѣды, если такой отшельникъ забудетъ о людяхъ съ плотью и кровью и станетъ жить въ царствѣ мечты. Кто же не отрѣшился отъ міра, тотъ не можетъ руководствоваться этой мечтою безъ большого ущерба для себя и другихъ. Если такой безпочвенный оптимистъ станетъ жить и работать на мірской ладъ, какъ огромное большинство людей, то будетъ испытывать горькое разочарованіе на каждомъ шагу: все то, что принято называть жизненнымъ успѣхомъ, будетъ заперто отъ него семью замками. Безпочвенный оптимизмъ связанъ съ дурными послѣдствіями и для того, кто пренебрежетъ радостями міра и поставитъ себѣ цѣлью служеніе людямъ. Высшею формой служенія, предъ судомъ та-

кихъ людей, является проповѣдь добра, воспитаніе любви къ ближнимъ. Можно работать надъ этими задачами съ неослабною настойчивостью лишь въ томъ случаѣ, если человѣкъ думаетъ, что людямъ присущи порочныя наклонности, которыя препятствуютъ имъ служить ближнимъ. Кто же рѣшилъ, что людямъ *несвойственно даже самое малое зло*, тотъ утратитъ и сознаніе необходимости напрягать силы, дабы содѣйствовать исправленію человѣчества.

Тринадцатое положеніе содержитъ зерно истины, но не можетъ быть принято въ полномъ объемѣ. Конечно, заблуждаются тѣ, кто думаетъ, что измѣненіе формы общежитія, безъ крупной перемѣны въ нравахъ, можетъ перестроить жизнь въ самомъ основаніи. Однако, тѣ, кто отрицаетъ значеніе перемѣнъ въ общественномъ строѣ, дѣлаютъ еще большую ошибку. Возьмемъ простой примѣръ. Въ странѣ дѣйствуютъ суровые законы о печати. Многія мысли, способныя благотворно вліять на умы, не поступаютъ въ общій оборотъ, а распространяются только въ тѣсномъ кругу. Но, вотъ, эти законы отмѣняются, и печатное слово становится свободнымъ. Довольно немногихъ лѣтъ послѣ такой перемѣны, дабы поднялся уровень духовнаго развитія и въ обширныхъ слояхъ пробудился интересъ къ такимъ вопросамъ личной и общественной жизни, которые еще недавно занимали только верхушки населенія.

И по вопросу объ устройствѣ жизни Толстой собралъ рядъ превосходныхъ изреченій.

«Земля, по словамъ Мармонтеля, есть торжественный даръ, который природа сдѣлала человѣку; рожденіе каждаго есть право на владѣніе. Право это

такъ же естественно, какъ право ребенка на грудь своей матери». «Вы не можете основать Христово братство тамъ, говоритъ Мадзини, гдѣ съ одной стороны невѣжество, нищета, рабство и развращенность, а съ другой стороны культура, богатство и власть мѣшаютъ взаимно уважать и любить другъ друга». Необходимость нравственнаго усовершенствованія для улучшенія общественнаго быта подчеркивается Спенсеромъ въ такихъ выразительныхъ словахъ: «нѣтъ такой политической алхиміи, посредствомъ которой можно бы было получить золотое поведеніе изъ свинцовыхъ инстинктовъ». А вотъ изреченіе Генри Джорджа: «въ природѣ нѣтъ причинъ для бѣдности—даже для бѣдности горбатаго или дряхлаго; ибо человѣкъ по природѣ своей есть общественное животное, и если бы не было оскотинивающаго вліянія хронической нищеты, то семейная любовь и общественное сочувствіе доставляли бы все необходимое для тѣхъ, которые были бы сами не въ силахъ содержать себя».

XI.

Къ вопросу о смерти Толстой возвращается 9 разъ [13]).

«1) Ты завидуешь, негодуешь, сердишься, хочешь отомстить человѣку. Подумай о томъ, что нынче, завтра человѣкъ этотъ умретъ,—и отъ твоихъ дурныхъ чувствъ къ нему не останется слѣда. 2) Ни что такъ не вѣрно, какъ то, что мысль о близости смерти распредѣляетъ всѣ наши поступки по степени ихъ истинной важности для нашей жизни. Приговоренный къ немедленной казни не станетъ заботиться объ увеличеніи, сохраненіи своего состоянія ни объ установленіи о себѣ доброй славы, ни о тор-

жествѣ своего народа передъ другими, ни объ открытіи новой планеты и т. п., но за минуту передъ казнью постарается утѣшить огорченнаго, подниметъ упавшаго старика, перевяжетъ рану, починитъ игрушку ребенку и т. п. 3) Когда бываешь полонъ энергіи, то живешь и долженъ жить для этого міра; когда же болѣешь, то умираешь, т. е. начинаешь жить для того послѣсмертнаго міра. Такъ что и въ томъ и въ другомъ состояніи есть работа. Оба процесса нормальны и въ обоихъ есть свойственная состоянію работа. 4) Готовься къ смерти не въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимаютъ приготовленіе, полагая эту готовность въ исполненіи обрядовъ или въ заботѣ о мірскихъ дѣлахъ, а готовься къ тому, чтобы наилучшимъ образомъ умереть, т. е. воспользоваться тѣми торжественными минутами смерти, во время которыхъ человѣкъ уже находится какъ бы въ иномъ мірѣ, и слова и поступки его получаютъ особенную власть надъ остающимися. 5) Когда изъ одной сцены декораціи переносятся въ другую, видно, что то, что мы считали дѣйствительностью, есть только представленіе, такъ какъ мы переходимъ отъ одного представленія къ другому. Такъ и въ моментъ смерти видна или хоть чувствуется самая настоящая реальность. Этимъ важна и дорога минута смерти. 6) Какое бы ты ни дѣлалъ дѣло, будь готовъ всегда бросить его. Такъ и примѣривайся,—можешь ли отлѣпиться. Ожиданіе смерти учитъ этому. 7) Смерть учитъ людей умѣнію кончать свои дѣла. Изъ всѣхъ же дѣлъ есть только одинъ рядъ дѣлъ, которыя всегда вполнѣ закончены—это дѣла любви. 8) Если смерть страшна, то причина этого не въ ней, а въ насъ. Чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ меньше онъ

боится смерти. Для совершенно святого нѣтъ смерти. 9) Ты боишься смерти, но подумай о томъ, что бы было, если бы ты былъ обреченъ въ твоей все одной и той же личности на вѣчную жизнь? 10) Смерть такъ легко и просто избавляетъ отъ всѣхъ затрудненій и бѣдствій невѣрующаго въ безсмертіе и такъ радостна для вѣрующаго въ безсмертіе, ожидающаго новой жизни, что всѣ должны бы были стремиться къ ней, если бы она не была сопряжена со страданіями. Страданіе затѣмъ и послано людямъ, чтобы удерживать ихъ отъ смерти. Теперь же къ смерти нельзя придти иначе, какъ чрезъ страданіе».

Если бы первое положеніе соотвѣтствовало дѣйствительности, то смертная казнь была бы явленіемъ гораздо болѣе рѣдкимъ, нежели наблюдаемъ вокругъ насъ. Подсудимый обвиняется въ тяжкомъ преступленіи; оно вызываетъ всеобщее негодованіе. Иногда это чувство поддерживается у судей очень долго, цѣлый рядъ дней, 2—3 недѣли. Судьи знаютъ, что обвинительный приговоръ толкнетъ подсудимаго на висѣлицу; смерть такимъ образомъ стоитъ у преступника за спиной. Тѣмъ не менѣе, и правительственные судьи, и присяжные засѣдатели, сплошь и рядомъ единогласно признаютъ человѣка виновнымъ. Наблюдаются и такіе случаи: приговореннаго къ смерти выводятъ изъ суда, и толпа встрѣчаетъ его злостными насмѣшками. Если мысль, что человѣкъ умретъ въ ближайшемъ будущемъ, не смягчаетъ негодованія, то она не уничтожаетъ и желанія мести. Иначе не было бы столь частыхъ случаевъ злобной мести, направленной противъ жизни даннаго лица; не было бы мести, которая является не слѣдствіемъ бѣшенаго гнѣва, крайняго раздраженія, а строго обду-

манной, гдѣ между рѣшеніемъ отомстить и дѣйствіемъ проходятъ часы, дни, даже недѣли и мѣсяцы;

Второе положеніе состоитъ изъ двухъ, далеко не равноцѣнныхъ частей. Первая половина соотвѣтствуетъ дѣйствительности: конечно, сознаніе, что смерть близка, побуждаетъ насъ совершать тѣ поступки, которые мы считаемъ наиболѣе важными. Вторая же половина суживаетъ до самыхъ тѣсныхъ предѣловъ то, что высказано въ первой. Она говоритъ о близости смерти лишь для тѣхъ, кто приговоренъ къ ней. Но, вѣдь, эти люди составляютъ только маленькое меньшинство въ населеніи любого государства. Эти люди, быть можетъ, не имѣютъ охоты и, ужь во всякомъ случаѣ, не располагаютъ временемъ для заботы о личныхъ и общественныхъ дѣлахъ, которыя принято считать важными; оказаніе простыхъ услугъ окружающимъ—вотъ все, что остается имъ, если они чувствуютъ наклонность къ добру. Разъ же человѣкъ сознаетъ, что смерть близка, а болѣзнь еще оставляетъ ему нѣкоторый запасъ силъ, то сосредоточиваетъ все свое вниманіе на дѣлахъ и задачахъ, которыя касаются его самого, близкихъ людей, цѣлаго общества. Онъ исполняетъ религіозные обряды, дѣлаетъ распоряженія относительно своихъ похоронъ, относительно распредѣленія имущества, если это не было заблаговременно установлено духовнымъ завѣщаніемъ. Умирающій подаетъ своимъ близкимъ совѣты, какъ имъ слѣдуетъ жить. Наконецъ, въ немъ еще можетъ пробуждаться интересъ къ наукѣ, къ искусству, вопросамъ общественной и государственной жизни. Римскій императоръ Адріанъ, большой любитель литературы, сочинилъ стихи въ послѣднія минуты жизни. Моцартъ, вмѣстѣ съ

друзьями, напѣвалъ свой *Requiem* за нѣсколько часовъ до смерти, приближеніе которой ясно сознавалъ. Оберъ, въ предсмертномъ бреду, говорилъ только о своихъ партитурахъ. Бьернсонъ, долго борясь со смертью, чувствовалъ ея наступленіе; когда предсмертныя страданія давали ему небольшую передышку, онъ проявлялъ живой интересъ къ тому, какъ поставлена его послѣдняя драма. Послѣднія слова Юсти, недавно умершаго знаменитаго историка искусства, относились къ юбилейному торжеству въ память Винкельмана.

Нельзя пройдти въ молчаніи мимо третьяго и четвертаго положеній. Прежде всего, нельзя согласиться съ тѣмъ, что состояніе предсмертной болѣзни должно быть признано процессомъ нормальнымъ, какъ состояніе здоровья. Первое нормально, если человѣкъ дожилъ до глубокой старости и угасъ медленно, постепенно, безъ тяжкихъ страданій. Но нельзя назвать нормальнымъ процессъ умиранья, если человѣкъ 30 лѣтъ, цвѣтущаго здоровья, былъ раздавленъ упавшею стѣной 7-этажнаго дома, умеръ отъ сапа, которымъ заразила его лошадь, или отъ сибирской язвы, привитой жаломъ мухи. Этотъ процессъ можетъ быть признанъ нормальнымъ лишь въ томъ смыслѣ, что убійственныя начала, которыя захватили въ свою власть человѣка такъ преждевременно, дѣйствовали согласно съ законами человѣческаго организма. Неубѣдительно и замѣчаніе о работѣ, свойственной человѣку, котораго одолѣваетъ тяжкая болѣзнь. О работѣ умѣстно говорить здѣсь въ чисто физіологическомъ смыслѣ: въ тѣлѣ умирающаго происходитъ двойная работа—тѣхъ отрицательныхъ силъ, которыя принесли ему тяжкую болѣзнь, и тѣхъ положи-

тельныхъ началъ, которыя защищаютъ тѣло отъ наступающаго разрушенія. Какую, спрашивается, иную работу, работу для «послѣ смертнаго міра» можетъ выполнять больной крупознымъ воспаленіемъ легкихъ или пораженный апоплексическимъ ударомъ или принявшій facies hyppocraticam подъ вліяніемъ чумы, холеры, дизентеріи, или тяжко изувѣченный на войнѣ, въ дракѣ, при крушеніи поѣзда? Все это — только страшныя слова. Таковыхъ у Толстого не мало; несомнѣнно, они могутъ производить впечатлѣніе на слабонервныхъ читателей. Эти страшныя слова опровергаются самимъ Толстымъ въ четвертомъ положеніи. Онъ совѣтуетъ готовиться къ смерти, воспользоваться предсмертными минутами, сказать окружающимъ то, что сохранится въ ихъ памяти и, быть можетъ, опредѣлитъ иной разъ ихъ поведеніе. Благо тому, кто передъ смертью еще имѣетъ силы для выполненія такой работы; она исполняется, конечно, не для «послѣсмертнаго міра», а для того міра, изъ котораго уходитъ умирающій.

Нельзя считать удачнымъ сравненіе между замѣной однѣхъ декорацій другими и переходомъ отъ жизни къ смерти: это сравненіе побуждаетъ сдѣлать выводъ, что въ минуту смерти чувствуется «настоящая реальность», а жизнь есть только представленіе. Почему? Если бы Толстой написалъ эти строки за немного часовъ или даже дней до своей смерти, то можно было бы предположить, что написанное продиктовано ему личнымъ опытомъ. Но онъ пустилъ ихъ въ оборотъ задолго до смерти, а потому и не хочется вѣрить имъ. Развѣ влюбленные, когда обнимаютъ другъ друга, не чувствуютъ

реальности бытія? Развѣ человѣкъ не переживаетъ ея, когда молодецки размахиваетъ косой на лугу, залитомъ свѣтомъ и теплomъ іюльскаго солнца? Развѣ не громко говоритъ она тому, кто, послѣ напряженнаго труда и долгихъ исканій, пролагаетъ для научной мысли новое русло или внезапно, озаренный вдохновеніемъ, создаетъ чудный художественный образъ? Даря своимъ читателямъ это положеніе, Толстой не подумалъ, что оно исходитъ изъ раздѣленія всего человѣчества на два стана — зрячихъ и полуслѣпыхъ. Какъ бы ни протекала жизнь человѣка, какъ бы ни была она разумна, какъ бы ни были важны его труды на пользу ближнихъ, — онъ полуслѣпой, если умираетъ безъ сознанія. И, наоборотъ: человѣкъ провелъ жизнь такъ, что глупость и зло дали ей главное содержаніе; но онъ, по Толстому, зрячій, такъ какъ умеръ отъ болѣзни, не помѣшавшей сохранить сознаніе до самой смерти, т. е. видѣть «настоящую реальность». — Я не могу отдѣлаться отъ мысли, что такое возвеличеніе послѣднихъ минутъ жизни можетъ вырости только на почвѣ неодолимаго, исключительно сильнаго страха смерти.

Шестое и седьмое положенія образуютъ одно цѣлое. Они приводятъ къ заключенію, что нужно посвятить всю свою жизнь дѣламъ любви: только они закончены, а смерть обрываетъ каждое дѣло. Внимательно вчитываясь въ эти изреченія, мы подмѣчаемъ существенные недостатки. Во-первыхъ, слѣдованіе преподанному совѣту — ожидать смерти — хотя облегчаетъ оставленіе любого дѣла, не можетъ не оказывать вліянія на готовность совершить его. Человѣкъ съ наклонностью къ добру любитъ лю-

дей, при всѣхъ условіяхъ и во всякой обстановкѣ. Но, ожидая смерти, онъ не начнетъ на пользу ближнихъ такого дѣла, которое требуетъ продолжительныхъ и разнообразныхъ усилій, много времени; онъ не приступитъ къ дѣлу, которое, будучи окончено, дѣйствуетъ болѣе благотворно, нежели многочисленные виды служенія ближнимъ, гдѣ начало и конецъ раздѣлены немногими днями, даже часами. А если такъ, то ожиданіе смерти неблагопріятно для дѣлъ любви: оно суживаетъ рамки ея осуществленія. Во-вторыхъ, вопреки выспреннему выраженію, что «смерть научаетъ умѣнью кончать свои дѣла», можно утверждать, что она этому не учитъ умирающихъ, которые изъ факта своей смерти не могутъ извлечь никакихъ полезныхъ указаній для своихъ неоконченныхъ дѣлъ. Учитъ ли она этому людей, которые близки къ умирающему,—вопросъ не легкій; быть можетъ, неумѣстно отвѣтить на него голымъ отрицаніемъ. Возможно, что изъ многихъ тысячъ смертей выищется и такая, при которой близкіе къ умершему сдѣлали выводъ, что неблагоразумно приступать къ сложному начинанію въ престарѣломъ возрастѣ, при слабомъ здоровьѣ, при неимѣніи близкихъ людей, которые были бы способны продолжать дѣло. Напрашивается, наконецъ, возраженіе и на мысль Толстого, будто дѣла любви вполнѣ закончены, а потому и не могутъ быть прерваны смертью. Можно считать чѣмъ-то законченнымъ чувство любви, но не дѣла, въ которыхъ оно выражается. Это примѣнимо не только къ сложнымъ начинаніямъ, но и къ довольно простымъ. Человѣкъ началъ строить домъ съ безплатными квартирами для бѣдныхъ и успѣлъ довести его до конца; еще немного дней, — и можно было

бы помѣстить туда нуждающихся. И, вотъ, онъ внезапно умеръ, не сдѣлавъ распоряженія относительно новаго зданія. А троюродный племянникъ, получивъ домъ въ наслѣдство, сталъ отдавать квартиры въ наемъ по такой высокой цѣнѣ, какая только возможна въ данной мѣстности. Не будемъ отрицать, что умершій былъ преисполненъ любви къ ближнимъ; но признаемъ неумѣстнымъ утвержденіе, что дѣло его любви было окончено или даже начато. Другой примѣръ. Меня укусила собака; сосѣдъ, сжалившись надо мной, пришелъ и перевязалъ раны. Нужно было дѣлать это полторы-двѣ недѣли, изо дня въ день. А мой добросердечный сосѣдъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ послѣ первой перевязки. Можно считать въ этомъ случаѣ, что дѣло любви было начато; но странно думать, что оно было окончено.

Нельзя склониться и въ сторону восьмого положенія. Исторія повѣствуетъ намъ, что многіе, кого привыкли называть святыми, умерли спокойно, не обнаруживъ страха смерти. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что человѣкъ боится смерти тѣмъ меньше, чѣмъ онъ лучше. Едва ли кто-либо рѣшится утверждать, что милліоны и милліоны людей, которые безстрашно умерли въ безчисленныхъ бояхъ, принадлежатъ къ лучшимъ представителямъ человѣчества. Есть ли основаніе причислять къ лучшимъ людямъ всѣхъ самоубійцъ, которые налагаютъ на себя руку не въ минуту крайняго возбужденія, а спокойно, съ разсчетомъ, сдѣлавъ подробныя распоряженія относительно близкихъ?

Девятое изреченіе едва ли способно искоренить страхъ смерти изъ той души, гдѣ онъ свилъ себѣ гнѣздо. Обреченіе на вѣчную жизнь могло бы быть радост-

но или тягостно въ зависимости отъ обстановки, которую даровали бы обреченному. Если бы ему предложили жить вѣчно въ видѣ дряхлаго, больного бѣдняка, осужденнаго на прошеніе милостыни, то, пожалуй, онъ предпочелъ бы смерть вѣчной земной жизни. Если бы его заморозили въ молодомъ или даже среднемъ возрастѣ и обезпечили ему здоровье, свободу и доступъ хотя бы къ самымъ немудренымъ радостямъ, то, очень вѣроятно, онъ не отказался бы отъ вѣчнаго земного существованія. А на вопросъ, чѣмъ бы онъ наполнилъ дарованную ему вѣчную жизнь, онъ отвѣтилъ бы, что, при нѣкоторомъ запасѣ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, онъ сумѣетъ не соскучиться въ этомъ, все-таки, лучшемъ изъ міровъ.

Десятое положеніе представляется мнѣ очень и очень спорнымъ. Правда ли, что къ смерти нельзя прійдти иначе, какъ черезъ страданіе? Вѣдь, смерть, оканчивающая нѣкоторыя болѣзни сердца, мозга, даже лёгкихъ, является столь внезапнымъ и легкимъ переходомъ отъ жизни къ небытію, что нельзя говорить о страданіи. И насильственная смерть бываетъ безболѣзненна: такова смерть черезъ вскрытіе кровеносныхъ сосудовъ, отравленіе нѣкоторыми ядами, паденіе съ большой высоты. [14]) Тамъ же, гдѣ смерти предшествуютъ страданія, они часто бываютъ непродолжительны и не очень тяжелы; сплошь и рядомъ они далеко уступаютъ мучительнымъ болямъ, сопровождающимъ иногда ревматизмъ или пораженіе сѣдалищнаго нерва, т. е. болѣзни, которыя не угрожаютъ смертью. Словомъ, можно умереть и безъ страданія. — Но это еще не настолько соблазнительно, чтобы всѣ должны были стремиться къ смерти. Если

человѣкъ потрясенъ горемъ и не вѣритъ въ безсмертіе, то не хочетъ умирать до тѣхъ поръ, пока не впалъ въ отчаяніе, пока надѣется найдти утѣшеніе здѣсь, въ земной жизни. Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что смерть безъ страданія должна быть радостна для всѣхъ, вѣрующихъ въ безсмертіе. При сложной душевной жизни, вѣра въ безсмертіе является вѣрой во что-то неопредѣленное, непостижимое. Если такому вѣрующему живется сколько-нибудь радостно или хотя бы безгорестно, то что ему за охота мѣнять хорошо извѣстное на невѣдомую загробную даль. Для чего ему спѣшить съ отчаливаніемъ отъ нашего берега, если изъ многихъ и многихъ, писавшихъ о безсмертіи, никто не сказалъ ничего вразумительнаго, ничего такого, что хотѣлось бы занести въ символъ вѣры! Для милліоновъ же и милліоновъ, для людей съ безхитростной душой, безсмертіе тожественно существованію рая и ада. Въ такомъ вѣрующемъ возникаютъ сомнѣнія, что онъ будетъ принятъ на лоно Авраама; эти сомнѣнія побуждаютъ его дорожить жизнью не только изъ-за ея радостей, но и въ разсчетѣ на добрыя дѣла, которыя онъ, быть можетъ, еще успѣетъ совершить и пріобрѣсти въ нихъ залогъ вѣчнаго блаженства.

И по вопросу о смерти *Кругъ чтенія* содержитъ немало превосходныхъ мыслей. «Прежде, чѣмъ достигнуть старости, говоритъ Сенека, я старался хорошо жить; въ старости я стараюсь хорошо умереть; чтобы хорошо умереть, нужно умереть охотно». «Живи такъ, завѣщаетъ Маркъ Авреліи, какъ будто ты сейчасъ долженъ проститься съ жизнью, какъ будто время, оставленное тебѣ, есть неожиданный подарокъ». «Свободный человѣкъ, по словамъ Спинозы,

думаетъ больше о жизни, чѣмъ о смерти». У Канта мы читаемъ: «кто боязливо заботится о томъ, чтобы не потерять жизнь, никогда не будетъ радоваться ей». Приведу и выразительныя слова Шопенгауера: «жизнь несомнѣнно можно считать сновидѣніемъ, а смерть пробужденіемъ; но тогда личность, индивидуальность принадлежитъ сновидящему, а не пробудившемуся сознанію: потому-то смерть и представляется каждому уничтоженіемъ».

Заключеніе.

Если читатель отнесется внимательно и безпристрастно къ изреченіямъ Толстого по другимъ вопросамъ, нашедшимъ мѣсто въ сборникѣ, то присоединится къ моимъ выводамъ.

Почему, однако, положенія, вышедшія изъ-подъ пера Толстого, и содержаніемъ и формой, большею частью, уступаютъ афоризмамъ другихъ мыслителей?

Великій художникъ былъ не столько мыслителемъ, сколько мечтателемъ. Отъ той поры, когда онъ сталъ отдавать художественному творчеству все меньше и меньше времени, его захватила писательская дѣятельность, которую, развѣ по недоразумѣнію, можно назвать трудомъ ученаго или философа. Онъ затрогивалъ многія стороны личной и общественной жизни людей, но не тѣхъ, которыхъ создала исторія, а людей, носившихся въ его воображеніи. Толстой не изучалъ человѣка въ прошломъ; онъ не присматривался къ настоящему; онъ проходилъ мимо тѣхъ особенностей человѣческой природы и общественной жизни, которыя даютъ прочную основу для предвосхищенія будущаго. Выдумавъ человѣка, онъ захотѣлъ внушить читателямъ вѣру въ жизненность этого типа. Не знаніе, не строго логическое развитіе мысли строитъ большую часть его изреченій, а мечты. А потому его положенія могутъ удовлетворить только тѣхъ, кто относится къ окружающему безъ критики, кто, разъ пророкъ найденъ, готовъ принимать на

вѣру всѣ его предсказанія, готовъ считать возможнымъ желаемое, какъ бы слабо оно ни было связано съ прошлымъ и настоящимъ.

Не покидая міра мечты, Толстой немогъ завѣщать намъ мысли, столь богатыя содержаніемъ, столь близкія къ жизни, столь вѣрно отражающія природу человѣка, какъ дали нѣкоторые мыслители. Сенека, Эпиктетъ, Паскаль, Кантъ, Шопенгауеръ запечатлѣли въ своихъ изреченіяхъ знаніе жизни, неустанныя наблюденія надъ людьми, какъ ихъ даетъ дѣйствительность. Толстой же, большею частью, вливалъ въ свои афоризмы размышленія надъ человѣкомъ, который рисовался его воображенію.

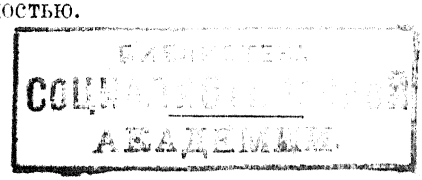
Настойчивая работа надъ предметомъ, который допускаетъ многостороннее изученіе, служитъ залогомъ и внѣшнихъ достоинствъ афоризма, прежде всего, его ясности и точности. Если умъ направленъ на познаніе явленій, какъ ихъ даетъ дѣйствительность, то видны предѣлы, достижимые мыслью, а потому ярко обозначаются и формы, въ которыя она должна быть облечена. Разъ же духовная работа является только мечтой, то границы стираются: область мечтаній безбрежна; предметъ изслѣдованія не выдѣляется съ полной отчетливостью, и не легко достигаются ясность и точность выраженія.

Большая часть изреченій Толстого не удовлетворяетъ тѣхъ, кто требуетъ сжатости. При всемъ разнообразіи своихъ великихъ дарованій, Толстой не былъ надѣленъ даромъ сжатаго изложенія, которое такъ нужно именно афористу. Это замѣтно и въ его художественныхъ созданіяхъ. Все же, что онъ написалъ за предѣлами художественнаго творчества, страдаетъ длиннотами; наклонность ко многословію должна была

наложить свою печать и на большую часть мыслей, внесенныхъ имъ въ *Кругъ чтенія*.

Слабость самокритики выразилась у Толстого въ томъ, что по многимъ вопросамъ онъ старался высказать, какъ можно больше мыслей. Тамъ, гдѣ мудрецы пускали въ оборотъ 2—3 изреченія, Толстой даетъ восемь-десять-двѣнадцать. Основная работа надъ изреченіями состояла не въ томъ, чтобы связать каждую вновь возникшую мысль съ другими, которыя уже были высказаны по тому же предмету; не считалось достаточнымъ воспользоваться ею лишь въ той мѣрѣ, въ какой она способна восполнить изложенное или ярче освѣтить его: все дѣло сводилось къ тому, чтобы не упустить ея. Отсюда — многословіе: неподписанныя изреченія, по содержанію, часто совпадаютъ съ афоризмами мудрецовъ, но выражены гораздо хуже; многія положенія Толстого, направленныя на одинъ и тотъ же предметъ, сходны по содержанію; не мало и такихъ, которыя противорѣчатъ другъ другу.

Кругъ чтенія выигралъ бы, если бы исключить изъ него большую часть неподписанныхъ мыслей. Но трудъ, подъятый Толстымъ, какъ собирателемъ изреченій мудрецовъ и составителемъ сборника,—истинно великій трудъ. Русское общество должно отнестись къ нему съ самой глубокой признательностью.



БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) У Ларошфуко взято 1 изреченіе, у Ницше—2, у Гете—7,

2) Кругъ чтенія. I. 1906. II. 1909. 7 января, 3 февраля, 30 марта, 7 апрѣля, 21 мая, 8 іюня, 17 августа, 18 ноября, 12 декабря.

3) Тамъ же. 17, 24 и 29 января, 13 и 28 марта, 21 іюня, 13 и 30 сентября, 1 октября, 23 декабря.

4) Тамъ же. I, 9 и 25 января, 16 марта, 1 и 18 апрѣля, 3 мая, 9 и 27 іюля, 22 августа, 16 и 23 сентября, 14 и 23 ноября, 28 декабря.

5) *Исаевъ*. Графъ Л. Н. Толстой, какъ мыслитель. 1911. 101—25.

6) Кругъ чтенія. 26 февраля, 2 и 25 мая, 16 іюля, 4 и 29 ноября.

7) Тамъ же. 18 марта, 27 апрѣля, 14 іюня, 27 сентября, 5 октября, 6 ноября, 3 декабря.

8) Тамъ же. 19 февраля, 7 марта, 5 и 28 апрѣля, 20 іюля, 19 августа, 11 декабря.

9) Тамъ же. 27 февраля, 19 марта, 15 апрѣля, 12 сентября, 3 и 8 октября, 3 ноября.

10) Тамъ же. 2, 8, 13 и 20 января, 13 февраля, 17 апрѣля, 16 мая, 22 и 26 іюля, 18 и 28 августа, 11 и 16 сентября 2 октября, 16 ноября, 13 декабря.

11) Тамъ же. 19 и 21 января, 7 и 18 февраля, 6 и 20 апрѣля, 4 августа, 30 октября, 13 ноября.

12) Тамъ же. 3, 16 и 30 января, 23 февраля, 17 марта, 14 апрѣля, 12 и 30 мая, 9, 16 и 30 іюня, 17 сентября, 22 и 26 ноября, 22 декабря.

13) Тамъ же. 2 февраля, 1 марта, 3 апрѣля, 12 и 26 мая, 1 іюня, 2 августа, 7 сентября, 9 ноября.

14) *Bloch*. Vom Tode. 1910. I. 47—120; 297—306.

КОНЕЦЪ.

Труды А. А. Исаева.

Промыслы Московской губерніи. 3 выпуска. Ц. 2 р. 50 к.
Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. Ц. 2 р. 50 к.
Артели въ Россіи. Ц. 2 р. 50 к.
Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи. Ц. 30 к.
О мѣрахъ къ развитію артельнаго производства. Ц. 20 к.
Недоразумѣнія по вопросу объ артеляхъ. Ц. 40 к.
Государственный кредитъ. Ц. 1 р. 25 к.
Большіе города и ихъ вліяніе на общественную жизнь. Ц. 40 к.
Составныя части и методы политической экономіи. Ц. 40 к.
Очеркъ теоріи и политики налоговъ. Ц. 1 р. 35 к.
Нужна ли земская статистика? Ц. 30 к.
О техническомъ образованіи, какъ о мѣрѣ содѣйствія кустарнымъ промысламъ. Ц. 20 к.
Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Ц. 1 р. 25 к.
Неурожай и голодъ. Ц. 30 к.
Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. Ц. 1 р. 25 к.
О кустарномъ комитетѣ. Ц. 25 к.
О соціализмѣ нашихъ дней. Ц. 3 р. 50 к.
Чего ожидать женщинѣ отъ соціализма? Ц. 35 к.
Смута и земельный вопросъ. Ц. 15 к.
Вопросы соціологіи. Ц. 1 р. 60 к.
Индивидуальность и соціализмъ. Ц. 30 к.
Начала политической экономіи. Изданіе седьмое. Ц. 3 р. 50 к.
О сокращеніи государственныхъ расходовъ. Ц. 30 к.
Войско, флотъ, антимилитаризмъ. Ц. 30 к.
Міровое хозяйство. Ц. 3 р.
Графъ Л. Н. Толстой, какъ мыслитель. Ц. 1 р. 50 к.
Чѣмъ объяснить вздорожаніе жизни? Ц. 30 к.
Забастовки учащихся. Ц. 20 к.
Артели и общественная борьба. Ц. 15 к.
Профессоръ Петражицкій, какъ обновитель политической экономіи. Ц. 20 к.
Кризисы въ народномъ хозяйствѣ. Ц. 1 р.
Zur Politik des russischen Finanzministeriums. Ц. 1 р.
Socialpolitische Essais. Ц. 3 р. 50 к.
Der Socialismus und das öffentliche Leben. Ц. 3 р. 50 к.
Individualität und Socialismus. Ц. 75 к.
Leo Tolstoi ausserhalb der Grenzen dichterischen Schaffens. Ц. 1 р.
Aperçus sur le présent et l'avenir de l'état économique de la Russie. Ц. 1 р.
La politique du ministère des finances en Russie. Ц. 1 р.
Les grands hommes et le milieu social. Ц. 1 р.

Цѣна 50 копѣекъ.